

Е.П.Блаватская

Загадочные племена
Три месяца на «Голубых горах» Мадраса¹

Несколько слов предисловия

Недавно одна большая лондонская газета делала саркастические замечания о том, что русские ученые, а русская публика тем более, имеют весьма смутные понятия об Индии вообще и о ее народностях в частности.

На эту новую британскую «инсинуацию» каждый русский мог бы при случае задать первому встречному англо-индийцу такой вопрос:

«Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете о большей части подвластных вам народов Индии? На чем, например, порешили ваши лучшие этнологи, ваши знаменитейшие антропологи, филологи и статистики свой полувековой спор насчет словно с неба свалившегося, таинственного нильгирийского² племени тоддов³? Что известно вашему Королевскому обществу⁴, – хотя члены его вот уж около полустолетия из кожи лезут, чтобы выяснить этот вопрос, – о загадочных племенах “Голубых гор”?.. О страхе наводящих, ужас внушающих карлика, именуемых муллу-курумбами⁵? О янади⁶, кхоттах⁷, эрулларах⁸, баддагах⁹: то есть о пяти племенах Нильгири и о десятках других менее таинственных, но столь же мало приведенных в известность больших и малых племенах, живущих на других горах?..»

В ответ на все эти вопросы, если паче чаяния британец почувствует себя в припадке честной откровенности (проявление в нем весьма редкое), оклеветанный русский ученый и путешественник может услышать следующую неожиданную исповедь:

«Увы, мы ровно ничего о них не знаем. Существование их нам известно потому, что мы встречаем их, часто бьем и колотим, а подчас и вешаем, но с другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия ни о происхождении, ни о языке большинства этих дикарей, менее всего о нильгирийцах. Наши англо-индийские, как и отечественные ученые, чуть не сошли с ума на одних

Печатается по: *Радда-Бай*. Загадочные племена. Три месяца на «Голубых горах» Мадраса // *Русский вестник*, 1884, №12; 1885, №1–4.

Публикация, подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Перевод с французского Е.А.Бобровой.

Фотографии из книг: *Brecks J.W.* An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873 (*Брикс Дж. У.* Отчет о первобытных племенах и памятниках Нильгири. Лондон, 1873); *Marshall W.E.* Travels Amongst the Todas; Or, The Study of a Primitive Tribe in South India. London, 1873 (*Маршалл У.Э.* Странствия среди тодов, или изучение первобытного племени в Южной Индии. Лондон, 1873); *Watson J.F., Kaye J.W.* The People of India. Vol. VIII. London, 1875 (*Уотсон Дж. Ф., Кэй Дж. У.* Народы Индии. Т. VIII. Лондон, 1875).

Джеймс Уилкинсон Брикс (1830–1872) – английский государственный служащий в Индии и писатель.

Джон Форбс Уотсон (1827–1892) – шотландский врач и писатель.

Джон Уильям Кэй (1814–1876) – британский военный историк, государственный служащий и армейский офицер в Индии.

¹ Письма из Индии, печатавшиеся при *Русском вестнике* под общим заглавием: *Из пещер и дебрей Индостана*, приостановились вследствие поездки автора в Нильгири и затем в Европу. Между тем, от того же автора получено нами особое сочинение, которое начинается печатанием с этой книжки *Русского вестника*. – *Примечание редакции журнала «Русский вестник».*

² Нильгири (*тамилский* – «голубые горы», *англ.* Nilgiri) – горный массив в штатах Тамилнад и Керала на юге Индии.

³ Народ тода (*англ.* Toda).

⁴ Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, в просторечии Королевское общество – ведущее научное общество Великобритании, одно из старейших научных обществ в мире, создано в 1660 г. и утверждено королевской хартией в 1662 г.

⁵ Народ курумба (*англ.* Kurumba).

⁶ Народ янади (*англ.* Yanadi, Yanadi).

⁷ Народ kota (*англ.* Kota).

⁸ Народ ирула (*англ.* Irula).

⁹ Народ бадага (*англ.* Badaga).

тогдах! Поистине, это племя составляет загадку этнологов нашего века и, как кажется, загадку неразрешимую. И не только для нас, европейцев, но и для самих индусов, прошлое этого крошечного численностью племени покрыто непроницаемой завесой вековой тайны... Все в нем необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все как было с первого дня, когда мы неожиданно-негаданно наткнулись на него, так и осталось до сего дня загадкой сфинкса!..»

Так ответил бы всякий честный англо-индеец русскому. Так ответил мне один английский генерал¹⁰, – о котором упомянем еще не раз далее, – на мои расспросы о тогдах и курумбах.

«Тодды! Курумбы! – почти закричал он, придя в азарт. – Тодды почти свели меня с ума одно время, а муллу-курумбы доводили меня не раз до белой горячки! Как и почему, узнаете после. Но слушайте. Если кто из наших правительственных идиотов (*dunces*) скажет вам, что он хорошо знает и даже изучил тоддов, то скажите ему от меня, что он хвастает и лжет. Этих племен никто не знает. Их происхождение, религия, язык, обряды, предания – все это *terra incognita*¹¹ для ученого, как и для профана... А их удивительная “психическая сила”, как ее называет Карпентер^{12, 13}, их так называемое колдовство и дьявольские чары, кто может нам растолковать эту силу? Это непонятное, ничем необъяснимое их влияние на людей и зверей, у тоддов – к добру, у курумбов – ко злу, кто может разгадать, показать нам, что это такое, какая это сила, которою они орудуют по своему усмотрению? У себя дома мы, понятно, смеемся над нею и их претензиями. Мы не верим в магию и называем веру в нее туземцев суеверием, ерундой. Мы и не посмеем ей поверить. Во имя нашего расового превосходства и всеотрицающей цивилизации мы обязаны отвертываться от такой чепухи. И однако же *наш закон признает фактически* эту силу, если не в принципе, то в ее проявлениях, наказывая обвиняемых в ней под разными замаскированными предлогами и пользуясь многими лазейками нашего законовещения... Этот закон признал и самих колдунов, повесив вместе с их жертвами некоторых из них не только за кровавые, но и за те бескровные, таинственные убийства их, которые никогда еще не были легально доказаны в тех драмах, которые так часто разыгрываются здесь между колдунами Нильгири, с одной, и туземцами долин, с другой стороны...

Да, вы правы: вы имеете основание смеяться над нами и нашими тщетными усилиями, – продолжал он, – потому что, невзирая на все наши старания, со дня открытия этих грязных *магов* и колдунов в тущобах Нильгири (Голубых гор) мы не продвинулись ни на один вершок¹⁴ в разрешении вопросов о них. Более всего нас раздражает эта, поистине, чародейная в них сила, опровергнуть проявления которой мы не в состоянии, так как для этого нам пришлось бы бороться ежедневно против неопровержимых доказательств... Отвергая объяснения этих фактов туземцами, мы только запутываемся в гипотезах собственного изделия. Отвергая реальность так называемого *колдовства* и *чар* и вместе с тем вешая колдунов, мы просто являемся в нашем противоречии грубыми палачами людей, чьи преступления не только еще не доказаны, но и отрицаются нами в самой возможности... То же самое мы можем сказать и относительно тоддов. Мы смеемся над ними и все-таки глубоко уважаем это загадочное племя... Кто они, что они такое? Люди или гении этих гор, боги под засаленными лоскутьями человечества? Все предположения о них отскакивают, как резиновый мячик от гранитной скалы... Так и знайте вперед, ни о тогдах, ни о курумбах вам ничего верного не скажут ни англо-индийцы, ни сами туземцы, а не скажут потому, что они сами ровно ничего о них не знают, да никогда и не узнают...»

---

¹⁰ Генри Роудс Морган (1822–1909) – генерал-майор англо-индийской армии, член Теософского общества.

¹¹ незнакомая область (*лат.*).

¹² У.Карпентер – известный физиолог. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Уильям Бенджамин Карпентер (1813–1885) – английский естествоиспытатель, медик, зоолог и физиолог, критиковал психические исследования и спиритуализм.

¹³ Термин «психическая сила» (*Psychic Force*) ввел в научный оборот У.Крукс; У.Карпентер использовал термин «идеомоторный принцип» (см.: *Crookes W. Researches in the Phenomena of Spiritualism. London, 1874. P. 9, 49 (Крукс У. Исследования феноменов спиритуализма. Лондон, 1874. С. 9, 49); Блаватская Е.П. Разоблаченная Изиды. Т. I. Гл. II. Феномены и силы.*)

Уильям Крукс (1832–1919) – английский химик и физик, член Теософского общества; в 1871–1874 гг. проводил опыты с медиумами и удостоверился в том, что они могут производить феномены.

¹⁴ Вершок – старорусская единица измерения, равная 4,445 см.

Так говорил мне нильгирийский плантатор, отставной генерал-майор и судья на Голубых горах, отвечая на все мои вопросы об интересующих меня давно тоддах и курумбах. Мы стояли против скал «озера», и когда он замолчал, долго еще слышали, как горное эхо, пробужденное его громким голосом, повторяло насмешливо и замирая: «Не уз-нают... Не уз-нают!»

А ведь действительно интересно было бы узнать! Такое открытие касательно тоддов было бы, пожалуй, позанимательнее даже нового открытия о десяти потерянных племенах Израиля, которые «Общество отождествления»¹⁵ вдруг нечаянно и негаданно открыло теперь в англичанах.

А теперь дадим пока, что знаем. Но прежде мы должны сказать несколько слов.

Избрав в этих заметках главными героями тоддов и муллу-курумбов, мы чувствуем, что вступаем на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими учеными, ни неучеными европейцами, менее же всего желающую угодить массам печатью. Всем нам ведомо, как упорно она чурается всего, что близко ли, далеко ли напоминает читателям о «духах» и спиритизме. Но, говоря о Голубых горах и их странных племенах, нам совершенно невозможно умолчать о том, что составляет их главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголок земного шара, а главное, его загадочные, ни на кого другого не похожие племена, выкидывать из рассказа то, на чем вся их бытовая и религиозная жизнь построена. По крайней мере, сделать это в отношении к тоддам и курумбам также немислимо, как ставить на сцене *Гамлета*¹⁶, выкинув из пьесы¹⁷ принца Датского. Тодды и курумбы рождаются, растут, живут и умирают в атмосфере колдовства. Если верить рассказам туземцев и даже старожилов на этих горах из европейцев, то эти дикари находятся в постоянном общении с невидимым миром. Поэтому, если в этой гирлянде географических, этнологических, климатических и многих других аномалий природы наш рассказ станет, развиваясь, перемешиваться, как пшеница, с плевелами, с всяческою, извиняюсь за выражение, чертовщиной или с аномалиями человеческой природы в области трансцендентальной физики, то вина в том, право, не наша. Зная, как эта область не жалуета гг. естественниками, мы бы душевно были рады осмеять, как и они, все места, как далекие, так и «не столь отдаленные», этой нелюбимой страны, да совесть не допускает. Нельзя братья описывать совсем новые племена, мало кому известные расы, не затрагивая в угоду скептикам самой характеристичной, рельефной черты их вседневной жизни.

Факты налицо. Простые ли они последствия ненормальных и чисто физиологических явлений, по излюбленной теории медиков, или же результаты проявлений (наверное, столь же естественных) сил природы, которые кажутся науке (в ее настоящем неведении) невозможными и несуществующими и поэтому отвергаются, – для вашего дела это не составляет ни малейшей разницы. Мы заявляем, как уже сказано, только *факты*. Тем хуже для науки, если она еще ничего о них не узнала, а не зная о них *ничего*, все-таки продолжает называть их «диким абсурдом», «грубым суеверием» да бабьими сказками. К тому же притворяются неверующим и смеяться над верой других в то, что сам признаешь за доказанные реальные явления, не допускающие ни малейшего сомнения, не есть дело ни честного человека, ни аккуратного рассказчика.

Насколько мы лично верим в так называемое колдовство и «чары», покажут следующие страницы. Есть целые группы явлений в природе, которые наука не в состоянии разумно объяснить, указывая на них как только на нечто проистекающее из действий одних химических и физических мировых сил. В материю и силу наши ученые верят, а в жизненный принцип, отделенный от материи, не желают верить, хотя, когда мы учтиво просим их объяснить нам, что

---

¹⁵ *Identification Society of London*, имеющие своим предметом вопрос о «потерянных племенах», общество чрезвычайно богатое и один из курьезов Англии * – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* Британский израилизм, англо-израилизм – британская националистическая, псевдоисторическая, псевдоархеологическая и псевдорелигиозная концепция, согласно которой народ Великобритании является «генетически, расово и лингвистически прямыми потомками» Десяти потерянных колен древнего Израиля. Начиная с 1870-х гг., многочисленные независимые организации британского израилизма были созданы по всей Британской империи, а также в США.

¹⁶ «Гамлет» – трагедия У.Шекспира.

¹⁷ пьесы (*устар.*).

такое, в сущности, эта *материя* и что такое заменившая ее теперь *сила*, то наши величайшие просветители становятся в тупик и говорят нам: «Не знаем».

Так вот, пока им еще известно об этих трех предметах так же мало, как англо-индийцам о тоддах, мы попросим читателя сначала вернуться с нами за более, нежели полстолетия назад. Мы предлагаем ему послушать нашу сказку-быль о том, как впервые попали на существование Нильгири (Голубых гор), ныне мадрасского Эльдорадо. Как там нашли никому до того неизвестных великанов и карликов, в коих может быть усмотрено русскою публикой полное сходство между ее отечественными ведьмами и знахарями, а может кое-что еще и похуже. Вдобавок ко всему этому, из этой сказки-были читатель узнает, что есть в индийском поднебесье такая чудная страна, где на высоте 8000 футов¹⁸ в январе месяце люди ходят в одних кисейных покрывах, а в июле часто кутаются в теплые шубы, хотя эта страна находится всего в 11 градусах от экватора. Так приходилось поступать и нижеподписавшейся, тогда как под ногами у нас 8000 ниже постоянно стояло (по Фаренгейту) 118 градусов¹⁹ жары в *прохладной* тени самых густых деревьев.

РАДДА-БАЙ.

Уттакаманд²⁰ (Голубые горы), 9 июля 1883 года.

---

¹⁸ 2440 м.

Фут – единица измерения длины в английской системе мер, равная 0,3048 м.

¹⁹ 48° С.

²⁰ Уттакаманд (Удагамандалам, Утакамунд, Ути, *англ.* Ooty, Ootacamund) – город в Индии, штат Тамилнад, административный центр района Нилгири.

Глава I

в которой два Немрода²¹ отправляются на охоту за «богами», а натываются вместо них на боа-констриктора²² и на бробдигнагов и лиллипутов²³.

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит²⁴...

Ровно шестьдесят четыре года тому назад, то есть в конце 1818 года, в сентябре месяце, недалеко от Малабарского берега Южной Индии и всего в 350 милях от дравидского²⁵ пекла, именуемого Мадрасом, было случайно сделано самого неожиданного характера открытие. До такой степени оно показалось тогда всем странным, даже невероятным, что в первое время ему никто и не поверил. Мгновенно возникли легендоподобные, запутанные и совершенно фантастические слухи, сперва в народе, а затем распространились и выше. Но когда они проникли в местные газеты и превратились в официальную действительность, то лихорадка выжидания перешла у всех в полное горячее состояние...

В медленно шевелящихся и вследствие жара почти атрофированных от бездействия мозгах англо-мадрасцев произошла молекулярная пертурбация, говоря языком известных физиологов. Все, за исключением лимфатических *мудильяров*²⁶, соединяющих в себе темпераменты лягушки и саламандры, закопошилось, зашевелилось и громко забредило о некоем чудно-прохладном Эдеме в самых недрах Голубых холмов²⁷, открытом будто бы двумя удалыми охотниками. По сведениям последних, там земной рай: благоуханные зефир²⁸ и прохлада круглый год; страна над вечными туманами Куимбатура^{29, 30}, в которой шумят величественные водопады, стоит от января до декабря вечная европейская весна, цветут дикие саженные розы и гелиотропы, благоухают в кувшин величиною лилии³¹ и где свободно разгуливают, судя по их громадной величине, допотопные

²¹ Нимрод (Немрод, Немврод) – в Пятикнижии, агадических преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь.

²² Обыкновенный удав (*лат.* Boa constrictor) – неядовитая змея из подсемейства удавов семейства ложноногих, в длину достигает 2–3 м в неволе и до 4–4,5 метра в природе.

²³ Отсылка к сатирико-фантастическому роману «Путешествия Гулливера» писателя и философа Джонатана Свифта (1667–1745). В этом романе Бробдингнег (*англ.* Brobdingnag) – страна великанов, Лиллипутия (*англ.* Lilliput) – страна маленьких людей.

²⁴ Строки из поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила» (1820).

²⁵ Дравиды – народы, населяющие Южную Индию.

²⁶ Мудильяр (*англ.* Mudaliar) – название, используемое людьми, принадлежащими к различным тамильским кастам.

²⁷ Перевод со слова «Нильгири», составленного из двух санскритских слов: *нилам* – «голубой» и *гири* – «горы», или холм*, так названные от яркого голубого цвета этих гор, как они представляются глазам жителей из долин Майсура и Малабара. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Neelam + giri (*тамилский*).

²⁸ Ветер.

²⁹ Коимбатур (*англ.* Coimbatore) – город на юге Индии, в штате Тамилнад, административный центр одноименного округа, окружен Западными Гхатами с севера и запада, к северу от города также находится биосферный заповедник Нилгири.

³⁰ Как полагают, вследствие сильного зноя и болотных испарений местности, туман расстилается на высоте от 3 до 4000 футов* над морским уровнем и вдоль всей цепи Куимбатурских гор – постоянный голубой туман чрезвычайно замечательного яркого цвета, который и превращается во время муссонов** в дождевые тучи. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* 910–1220 м.

** муссонов (*англ.* monsoon).

³¹ Это не преувеличенное описание самой, быть может, замечательной в мире флоры. Кусты роз всех цветов вырастают в высоту домов и покрывают крыши, как и род гелиотропа, который достигает до двадцати футов*, но самые замечательные из цветов – это белые с одуряющим запахом лилии. Действительно, величиной с графин, они

буйволы и обитают гулливеровские бробдигнаги и лиллипуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индийской Швейцарии представляет замкнутый от остального мира уголок земного рая и пр.

От этих рассказов у «высокочитимых» отцов Ост-Индской компании проснулась сонная и не менее мозгов атрофированная печень и потекли слюнки. В первое время никто не знал, где именно были открыты такие чудеса, ни куда, ни как ехать за столь заманчивою в сентябре прохладой. Наконец «отцы» решили, что следует подкрепить открытие официальным путем и прежде всего узнать, что такое именно открыто. Охотников пригласили в главную контору президентства, и тогда узнали, что близ Куимбатура произошло следующее.

Но, во-первых, что такое Куимбатур?

Куимбатур – главный город уезда этого имени, а самый уезд находится милях в трехстах от Мадраса, столицы Южной Индии, и знаменит во многих отношениях. Во-первых, он был обетованною землей для охотников на слона и тигра, как и на более мелкую дичь, так как этот уезд, вдобавок к другим прелестям, славится своими болотами и дремучими лесами. Почувяв смерть, слоны почему-то всегда уходят из чащи лесной в болото. Там они залезают в глубокую тину, где и приготовляются спокойно к *нирване*³². Вследствие такой замечательной привычки, болото изобилует их клыками, и слоновая кость добывается (или, скорее, добывалась во времена оны) довольно легко.

Говорю, «добывалась» в прошлом. Увы, для бедной Индии все с той поры изменилось! Теперь в ней ничего не добывается и никто ничего не может добыть, кроме разве вице-короля, которому вице-королевство доставляет царские почести и сумасшедшие деньги, впрочем, иногда с примесью гнилых яиц от сердитых англо-индийцев. Между «тогда» и «теперь» легла бездна имперского «престижа», поперек которой стоит привидение лорда Беконсфильда³³... Тогда «отцы Компании» добывали, покупали, открывали и сохраняли. *Теперь* вице-королевский совет получает, взимает, отнимает и ничего не сохраняет. *Тогда* «отцы» были круговращательною силой в застывающей крови Индии, которую они хоть и сосали, но иногда и обновляли, подливая новой крови в ее устарелые жилы. *Теперь* же вице-король с советом подливают разве только желчи. Вице-король есть центральная точка огромной империи, с которою он не имеет ни симпатии, ни чего-либо общего. «Отцы» если и были в одном смысле бурьяном родины священной коровы, то были и сочным репейником, кормившим миллионы кротких ослов. А вице-король – это пышный, искусственно привитый цвет к растению, называемому индийскою империей, который, истощая силы, медленно убивает самое растение. По поэтическому выражению сэра Ричарда Темпля³⁴, «вице-король крепкая ось, вокруг которой должно вертеться колесо империи». Положим, что это и так: только это колесо стало с некоторых пор крутиться с такой бешеною быстротою, что грозит ежеминутно разбиться вдребезги...

Но как тогда, так и теперь Куимбатур славился не только своими лесами и болотами, но считался и считается рассадником проказы, лихорадок и *эlefантиаза*³⁵. Куимбатур, то есть уезд,

---

растут в трещинах голых скал отдельными кустами в аршина два-три^{**} вышиной, распуская за раз с дюжину цветков. Эти лилии не растут на высотах менее 7000 футов^{***}, и ниже их нельзя найти. Чем выше, тем они прекраснее, и на Годдабетском пике^{****} (около 9000^{*****}) они цветут десять месяцев в году. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* 6,1 м.

** 1,4–2,1 м.

Аршин – старорусская единица измерения длины, равная 0,71 м.

*** 2130 м.

**** Гора Доддабетта (*англ.* Doddabetta) – самая высокая точка массива Нилгири (2637 м, 8652 фута).

***** 2740 м.

³² Нирвана (*санскр.* nirvāṇa) – «угасание», «прекращение», «отсутствие» волнения, беспокойства, неудовлетворенности, нетерпения, страстей.

³³ Бенджамин Дизраэли (граф Биконсфилд, Beaconsfield, 1804–1881) – английский государственный деятель консервативной партии Великобритании, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании (1868, 1874–1880), писатель.

³⁴ Ричард Темпл (1826–1902) – британский государственный деятель, губернатор Бомбейского президентства (1877–1880).

³⁵ Эта ужасная и почти неизлечимая болезнь, которая может, впрочем, длиться целыми годами, оставляя человека в других отношениях совершенно здоровым, весьма здесь обыкновенна. Начинает сперва пухнуть с

носящий это название, скорее ущелье, нежели что иное. Это миль двести в длину и двадцать в ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаром и Карнатиком³⁶, Куимбатурский уезд врезывается острым углом в Анемальские или Слоновые горы³⁷ к югу, постепенно поднимается к высотам Майсура к северу, а затем, как бы приплюснутый сбоку Западными «Гхатами»³⁸ с их дремучими, почти девственными лесами, круто обрывается и исчезает в более мелких *джонглах*³⁹ лесных племен. То – тропическая, вечно зеленая от испарений болот обитель слона и ныне уже вымирающего боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на прямоугольный треугольник, словно прицеплена к другому, еще более громадному треугольнику – к равнинам Декканской⁴⁰ нагорной плоскости, опирающей свою северную оконечность в Виндийские горы (*Vindhya*)⁴¹ Бомбейского президентства, а западную и восточную оконечности – в «холмы» Сахьядри⁴² Мадрасского президентства. Эти две разжалованные англичанами в холмы горные цепи составляют точку соединения между Восточными и Западными *Гхатами* Индии. По мере того как Восточные приближаются к Западным *Гхатам*, они начинают постепенно утрачивать свой вулканический характер. Соединясь, наконец, с волнообразными живописными возвышенностями западного Майсура и словно слившись с ними, они окончательно перестают считаться *Гхатами* и называются просто холмами⁴³.

Обе оконечности этого как бы треугольника возвышаются в Мадрасском президентстве по обеим сторонам, направо и налево от города Куимбатура, в виде двух восклицательных знаков. Словно два гиганта-часовых, поставленных природой сторожить вход в ущелье, стоят эти два остроконечных пика, увенчанных зубчатыми скалами на подножии из зеленых лесов и с бедрами, вечно укутанными в облаках да сизых туманах. То остроглавые горы, прозванные в местной англо-индийской географии «Тенерифами»⁴⁴ Индии, Нильгири и Муккартебет⁴⁵. Первый, то есть Тоддабет, возвышается на 8760 футов⁴⁶, другой – на 8380 футов⁴⁷ над морским уровнем.

В продолжение столетий обе эти вершины, особенно от Рангасуами⁴⁸, возвышенности самого грозного издали вида, слыли в народе за горы, недостижимые для простых смертных. Давно уже такая их слава перешла в местные легенды, и вся эта страна считалась в народном суеверии за область священную и потому заколдованную, переступить рубеж которой, даже нечаянно, было бы святотатством, достойным смерти. То-де обитель богов и высших *дев* (див). Там *сварга* (рай) и там и *нарака* (ад), полный «азуров» и «пизачей»⁴⁹. Таким образом, под охраной религиозного поверья Нильгири и Тоддабет оставались в продолжение долгих веков совершенно неизвестными

подошвы до подколенника одна нога, затем другая, пока обе не превратятся в настоящие бесформенные ноги слона как видом, так величиной* . – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Слоновая болезнь (*греч. ελεφαντίασις*) – слоновость, элѳантиаз, элѳантиазис.

³⁶ Карнатака (*англ. Karnataka*).

³⁷ От слова *ане* – «слон», и потому, вероятно, что с незапамятных времен эти горы ** изобилуют слонами. –

Примечание Е.П.Блаватской.

* *Aana* (*малаялам*), *yaanai* (*тамильский*) – слон.

** *Anamala*, *Anaimalai Hills*, *Elephant Mountains*.

³⁸ *Ghats* * – «горы» **. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Гаты.

** *Ghāṭa* (*маратхи*).

³⁹ джунглях (*англ. jungle*).

⁴⁰ Декан (*англ. Deccan*).

⁴¹ Виндхья.

⁴² Сахьядри (*англ. Sahyadri*) – Западные Гаты.

⁴³ *Гхата* – «гора», а *гири* – «холм». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁴⁴ Тенерифе – самый крупный остров в составе архипелага из семи Канарских островов в Атлантическом океане, известен как «остров вечной весны».

⁴⁵ Мукуртхи (*англ. Mukurthi*, 2554 м, 8379 футов).

⁴⁶ 2670 м.

⁴⁷ 2554 м.

⁴⁸ Рангасвами (*англ. Rangaswami*, 1794 м, 5885 футов).

⁴⁹ *Азуры* – «духи», певцы, услаждающие уши богов песнями, как *гандарвы* тешат их музыкой; *пизачи* – духи-вампиры*. Все они *девы* (дивы) и разделяются на многие классы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Асуры (*санскр. asura*), гандхарвы (*санскр. gandharva*), пишачи (*санскр. piśāca*).

остальной Индии. Тем менее в те далекие времена «достопочтенной» (*Right Honourable*) Ост-Индской компании, то есть в двадцатых годах нашего столетия, могло прийти в голову кому-либо из европейцев исследовать замкнутую со всех сторон внутреннюю местность в горах, не потому, чтобы кто из них верил в поющих духов, а потому, что, веря в недосыгаемость их высот, никто и не подозревал, чтобы там находились столь прелестные уголки, тем менее кем-либо обитаемые, кроме диких зверей да змей. Редко бывало, когда англичанин-спортсмен⁵⁰ или охотник из евразиев⁵¹, дойдя до подошвы одного из заколдованных холмов, настаивал, чтобы туземный *шикари* (охотник) проводил его на несколько сот футов выше. Проводники-туземцы, как бы сговорясь с *шикари*, очень естественно, под тем либо другим предлогом, от этого отказывались. Чаще всего они уверяли «сааба»⁵², что далее и идти нельзя, нет-де там ни лесов, ни дичи, а есть только одни бездны, скалы до облаков да трущобы, обитаемые злейшими лешими – почетной стражей *див*. Поэтому ни один *шикари* не соглашался ни за какие деньги идти выше известной черты на этих горах...

Что такое «шикари»? Современный представитель этого класса остался тем же, чем он был и в баснословные времена царя Рамы⁵³. В Индии всякая профессия становится наследственной, а затем переходит в *касту*. Кем был отец, тем будет и сын. Целые поколения кристаллизуются и как бы застывают в одной и той же форме. *Шикари* обыкновенно одет в костюм, составленный из охотничьих ножей, пороховниц из буйвольего рога да древнего кремневого ружья с девятью осечками на десять выстрелов на совершенно голом теле. Часто он имеет вид дряхлого старика, и при встрече с ним одаренному чувствительным сердцем «иностранцу» (то есть не туземцу, как и не англичанину) всегда хочется предложить ему гофманских капель⁵⁴: до того у него впалый и словно подведенный болью живот. Но не потому наш *шикари* еле ползает и ходит сгорбившись, согнутый в три погибели, а по долгой, развившейся в силу его профессии привычке. Пусть только подзовет его к себе *сааб*-спортсмен, пусть покажет и посулит ему несколько рупий, и *шикари* мигом выпрямится и начнет торг на какого угодно зверя. Условившись, он опять согнется в дугу, поползет осторожно, обвив тело и подошвы пахучими травами, чтобы не выдать себя зверю и чтобы не почуял тот «духа человеческого». И просидит он несколько ночей напролет, спрятавшись, как хищный ястреб, в густой листве древесной среди «вампиров», менее его кровожадных. Не выдавая своего присутствия и полувздохом, дряхлый Немврод готовится хладнокровно следить за агонией привязанного им для приманки тигра к дереву злополучного козленка или младенца-буйвола. А затем, оскалив зубы до ушей при виде тигра, он станет прислушиваться, не шевеля ни одним мускулом, к жалобному бляению и обонять с наслаждением запах свежей крови, смешанный с хорошо ему знакомым острым, специфическим запахом полосатого палача лесов. Раздвинув осторожно и неслышно ветви, он будет зорко и долго наблюдать за насыщающимся зверем, и когда тот, тяжело ступая окровавленными лапами по засохшей земле, облизываясь и зевая, обернется еще раз по привычке всех «полосатых» поглядеть на останки своей жертвы, тогда *шикари* выстрелит из своего кремневого ружья и наверно положит зверя на месте с одного раза. «Ружье шикари никогда не осекается, стреляя по тигру» – древняя пословица, перешедшая между охотниками в аксиому. А если *сааб* желает сам позабавиться стрельбой в лесного «бара сааба»

---

⁵⁰ спортсмен (*англ. sportsman*).

⁵¹ Англо-индийцы – этническая группа смешанного происхождения, возникшая на Индийском субконтиненте в результате браков, как правило, британских мужчин и индийских или азиатских женщин в период британского владычества в Индии (браки английских женщин с жителями колоний были чрезвычайно редкими). Данную этническую группу иногда называли «евразийцами», но этот термин расширительно применялся также и ко всем другим группам смешанного европейско-азиатского происхождения, включая англо-бирманцев. Первоначально, в XIX в. и начале XX в., под англо-индийцами подразумевались только англичане, проживавшие или родившиеся в Индии.

⁵² Сааб, сагиб, сахиб – «господин», арабско-индийское наименование европейца.

⁵³ Рама или Рамачандра – аватара Вишну, легендарный древнеиндийский царь Айодхьи. Подробное жизнеописание Рамы содержится в «Рамаяне» – одном из двух величайших древнеиндийских эпосов наряду с «Махабхаратой».

⁵⁴ Капли, составленные в первый раз немецким врачом Фридрихом Гофманом (1660–1742) в 1606 г. из 2-х частей серного эфира и 3-х частей спирта, употребляются при головокружениях, обмороках, икоте, желудочных болезнях, тошноте и проч.

(большого господина)⁵⁵, то *шикари*, заметив с дерева, куда тигр отправился почивать, при первых лучах солнечных тотчас же соскочит со своей ветки, бросится со всех ног в деревню, наймет толпу, устроит облаву и будет он целый день под палящими, убийственными лучами солнца бегать от одной группы к другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказания, пока «сааб» №1 не ранит с безопасной высоты своего слона «сааба» №2, тогда *шикари* все-таки придется самому доконать зверя из своего древнего ружья. Только затем уже, если не случится чего особенного, отправится *шикари* под первый попавшийся куст, где он в одно и то же время и за один раз роскошно позавтракает, пополдничает, пообедаст и поужинает горстью протухлого риса и каплей болотной воды.

Так вот с тремя такими удалыми *шикари*, и как сказано, в сентябре 1818 года, к концу летних вакаций⁵⁶, два англичанина, чиновники-землемеры на службе Компании, отправясь на охоту в Куимбатур, заблудились и дошли до самых в те времена охотничьих пределов, а именно до Гузлехутского ущелья близ ныне знаменитого водопада Колакамбе⁵⁷. Над ними далеко и высоко под облаками, прорываясь отдельными пятнами сквозь сизый тонкий туман, виднелись скалистые иглы Нильгири и Муккартебета... То *terra incognita*⁵⁸, заколдованный мир –

... Горы таинственные,
Обитель див неведомых,
Холмов голубых...

как гласит старая песня на нежном наречии малайалим⁵⁹. Поистине, «голубые»! Смотрите на них с какой угодно точки и на каком хотите расстоянии, снизу, сверху, из долины или других высот, и пока они не пропадут у вас совсем из вида, то даже в туманную погоду холмы, сверкая, как драгоценный сапфир, внутренним огнем, словно тихо дышат, переливаясь, как волнами, своими золотисто-голубыми, в отдалении синими лесами, невольно поражая своим необычайным колоритом...

Землемеры, пожелав попробовать счастья, приказали *шикари* вести их далее. Но удалые *шикари*, «как того и следовало ожидать», наотрез отказались. Далее из отчета двух англичан мы узнаем, что эти старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигров и слонов, с первого слова о том, чтоб идти далее, за водопад, бросились бежать. Пойманные и приведенные назад, они все трое повалились ниц пред ревущим потоком и, по наивному сознанию одного из межешчиков, Киндерзлея⁶⁰, «соединенные усилия наших двух толстых плетей не могли поднять их на ноги... и прежде, нежели они не окончили своих громких заклинаний *дивам* этих гор, мольбы богам не наказывать и не губить их, невинных *шикари*, за такое преступление. Они трепетали как осиновый лист, катались по мокрой земле берега, словно в припадке эпилепсии...» «Никто и никогда не переступал за пределы водопада Колакамбе, – говорили они, – и кто вступит в эти тущобы, тому никогда не вернуться живым!»

Так в тот раз или, скорее, в тот день англичанам не удалось даже и переступить за черту водопада. Волей-неволей пришлось вернуться в деревню, из которой, переночевав накануне, они вышли утром. Без проводников и *шикари* англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренне поклялись заставить *шикари* идти в будущий раз далее. Вернувшись в селение на

---

⁵⁵ Эта кличка дается туземцами безразлично как всякому чиновнику или охотнику из англичан, так и тигру. Для невинного индуса действительно не представляется между двумя такого уж большого различия: разве только что на первом, к его незаслуженному счастью, ружье злосчастного туземца при каждой национальной попытке всегда давало осечку. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁵⁶ Вакация (*лат.*) – время, свободное от учения или службы.

⁵⁷ Этот водопад имеет 680 футов * высоты. Теперь подле него проходит дорога в Уттакаманд. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* 207 м.

⁵⁸ неизвестная земля (*лат.*).

⁵⁹ Малайалам – дравидийский язык, распространенный на юго-западе Индии (в основном среди народа малайали) и состоящий в тесном родстве с тамильским языком.

⁶⁰ Nathaniel W. Kindersley.

новый ночлег, они созвали почти всю деревню и стали держать со старшинами совет. То, что они услышали, разожгло их любопытство еще более.

В народе ходили о заколдованных горах самые невероятные слухи, и многие из мелких «земиндаров» (землевладельцев)⁶¹ ссылались на местных плантаторов и чиновников-евразиев как на людей, которые *знают правду* о священной местности и хорошо понимают невозможность добраться туда. Рассказывали целую эпопею о некоем плантаторе индиго⁶², имевшем все добродетели, кроме веры в индусских богов. «В один прекрасный день, – говорили важные брамины⁶³, – мистер Д. в погоне за зверем, не обращая внимания на наши постоянные предостережения, забрел за водопад и пропал с того дня без вести». Только чрез неделю затем узнали власти о его вероятной участи, да и то благодаря старой «священной» обезьяне из соседней пагоды. Почтенная макашка имела, как видно, привычку делать в свободные от религиозных обязанностей часы визиты в соседние плантации, где ее угощали и кормили набожные *кули*. В одно утро она явилась с сапогом на голове. Сапог оказался с отсутствующей ноги плантатора, а сам хозяин одного так никогда и не нашелся. «Без малейшего сомнения дерзновенный был разорван на куски пизачами», – решили в народе. Правда, Компания заподозрила было браминов пагоды, которые давно тягались с пропавшим за принадлежащую ему землю... Но ведь *саабы* всегда и во всем подозревают этих святых людей, особенно в Южной Индии.

Подозрению не был дан ход. Так бедный плантатор и сгинул с тех пор... Он перешел всецело и навеки в далекий и в те времена еще менее Голубых гор исследованный властями и учеными мир, мир бестелесной мысли, а на земле он превратился в сон, вечная память о котором под видом старого сапога стоит и доселе за стеклом в шкафу⁶⁴ уездной полиции...

Говорили... Что еще говорили? А вот что: по сю сторону «дождевых туч» горы необитаемы; это, конечно, в отношении одних только простых, всеми зримых смертных, а по ту сторону «сердитой воды», водопада, то есть на высотах священных вершин Тоддабета, Муккартебета и Рангасуами, живет неземное племя – племя кудесников и полубогов.

Там – вечная весна, нет ни дождей, ни засухи, ни жары, ни холода. Чародеи этого племени не только не женятся, но и не умирают, даже не рождаются: их младенцы сваливаются совершенно готовыми из поднебесья и «растут вверх», по характерному выражению Топси в *Хижине дяди Тома*⁶⁵. Ни одному смертному не удавалось еще побывать на этих вершинах, как никогда и не удастся, разве только после смерти. «Тогда это явится в пределах возможности, потому что, как хорошо известно браминам, – а кому же это лучше знать? – небожители Голубых гор из уважения к богу Бrame уступили ему часть своей горы под *сваргу* (рай)», антресоли которого, надо полагать, находились в то время в починке.

Однажды некий шикари из их села, напившись пьяным в коллекторской кухне, отправился ночью высматривать тигра и нечаянно забрел за водопад. На другое утро его тоже нашли под горой мертвым, и пр.

Так гласило устное, так еще повторяет и печатное предание в *Сборнике местных легенд, преданий* в переводе с тамильского на английский язык миссионерами, издание 1807 года, которое и рекомендуется читателю.

Подстрекаемые такими рассказами, а главное, видимыми препятствиями и затруднениями экскурсии, наши два охотника решились доказать еще раз туземцам, что для «высшей», властвующей над ними расы слово «невозможность» не существует. Британскому *престижу* необходимо было заявлять себя во все времена истории, иначе о нем могли бы позабыть...

---

⁶¹ Заминдар (*перс.* земиндер «землевладелец») – в государствах средневековой Индии в широком значении слова – феодальный наследственный держатель земли.

⁶² Индигофера красильная (*лат.* *Indigofera tinctoria*) – растение семейства бобовые, вид рода индигофера, происходящее из Индии и культивируемое во многих тропических странах ради получения синей краски.

⁶³ Брамин (браман, брахман, *санскр.* *Brahmana*) – жрец, человек, принадлежащий к высшей жреческой касте. В тексте пишется по-разному: брамин, браман.

⁶⁴ шкафу (*устар.*).

⁶⁵ «Хижина дяди Тома» – роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896), направленный против рабовладения в Америке. Топси – девочка-негритянка.

Известно ли у нас, в благодушной России, что такое именно заключается в этом магическом слове «британский *престиж*»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все, от ожиревшего европейца-лавочника, евразия-плантатора, потеющего с крепким арапником в руке над спинами кули, от чванного чиновника под серым *топи* на голове, имеющем аршин⁶⁶ в диаметре и похожем на глубокий, опрокинутый соусник, да рыжего, прилизанного, долгополого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, – все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный *престиж*. Но знают ли как именно выражается в Индии *политический престиж*? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса⁶⁷ и его удалых товарищей престиж британский состоял в том, чтоб улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая от него дары и натурою и златом, все-таки при случае надувать его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантазмагии, именуемой имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно мамоне миллионы заморенных голодом бедняков. *Райот* (землепашец)⁶⁸ есть козел отпущения в Индии за британские грехи. *Райот* – жалкое существо, которое от рождения до смерти со своим всегда огромным семейством живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за все, от вице-королевских охот, даваемых в честь скучающих туристов из королевского дома, до подарков императрицей царькам Индии, бесталанный райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова: «политический престиж». Этот «престиж» наследовал Ваала Пеора⁶⁹, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли, впрочем, в этом даже самих ассирийян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа *райот* осуществляет собою великое открытие Дарвина⁷⁰ – «борьбы за существование». Умирая голодною смертью в стране несметных богатств и расточительности для поддержания «престижа» сильнейшего, *райот* сделался живым символом и вместе протестом против теории *survival of the fittest*⁷¹.

Да не вознегодуют, читая это, как и все подписанное «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о них и об этих самых вопросах «Али-Баба»⁷², остроумнейший из их писателей, каждый взмах пера которого был злейшею и вместе глубоко правдивою сатирой на современное положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица-страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских *саусов* и *чупрасси*. *Саусы* – конюхи и скороходы чиновников, а *чупрасси* – официальные правительственные рассыльные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех

---

⁶⁶ Аршин – старорусская единица измерения длины, равная 0,71 м.

⁶⁷ Уоррен Гастингс (Warren Hastings, 1732–1818) – первый английский генерал-губернатор Индии (1773–1785).

⁶⁸ Райот.

⁶⁹ Баал (*др.-евр.* Бел, Бааль, Ваал – «хозяин или господин») – вообще является эпитетом «бог, владыка» для разных богов и градоначальников у древних западных семитов. Также являлся конкретным божеством в ассирио-вавилонской этнокультуре, почитавшимся в Финикии, Ханаане и Сирии как громовержец, бог плодородия, вод, войны, неба, солнца и прочего. Баал Пеор, местный моавитский Баал, культом которого моавитяне, следуя советам Валаама, стремились увлечь евреев.

⁷⁰ Чарлз Дарвин (1809–1882) – английский натуралист и путешественник, одним из первых пришел к выводу и обосновал идею о том, что все виды живых организмов эволюционируют во времени и происходят от общих предков; в своей теории, развернутое изложение которой было опубликовано в 1859 г. в книге «Происхождение видов путем естественного отбора», основным механизмом эволюции Дарвин назвал естественный отбор.

⁷¹ Выживание сильнейших (*англ.*) – афоризм, внедренный Г.Спенсером и указанный Ч.Дарвином в «Происхождении видов» как основной фактор теории естественного отбора.

Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, идеолог либерализма.

⁷² Aberigh Маскау, профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Джордж Роберт Абериг-Маккей (1848–1881) – английский писатель, автор книги «Двадцать один день в Индии» (1878–1879), сатире на англо-индийское общество.

больших и малых гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий, учреждаемых обыкновенно *при конце* каждой повальной голодовки, и окажется, что политический британский *престиж* убивает ежегодно более туземцев, нежели взятые вместе холера, тигры, змеи и даже легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки⁷³... Правда, убыль, причиняемая им в рядах чернорабочего люда, пополняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов», один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расой цивилизованною в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свет англичанами при помощи голландцев, французов и португальцев. Они – венец и бессмертный памятник деятельности благодушных «отцов» Ост-Индской компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные, как и незаконные (так как разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских отношений между вышею и нижею расами оборвалось. Теперь, к великой радости индусов, англичане стали смотреть на супруг и дочерей с отвращением, которое превышает разве только гадливостью туземцев при виде англичанки более или менее в *декольте*. Две трети Индии наивно верят в распущенный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом проказе.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года⁷⁴. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой, официальная Англо-Индия вырыла между собою и туземцами такую бездну, что не завалить ее и тысячелетиями. Невзирая на грозный призрак британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород, либо черную, либо белую. «Престиж» поэтому есть не более как рассчитанная мера самосохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы голодный мор среди туземцев. В глазах этой «христианской» нации это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он – наскоро собранная природой комбинация слабо склеенных атомов, прямая эволюция без переходных стадий асцидии⁷⁵ в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом *раджи* до прозрачного от худобы и голода *кули* и *райота*. Первый уже так хорошо дрессирован «политическими резидентами», что готов за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте продать во имя политического британского *престижа* всю Индию с родными отцом и матерью в придачу. Второй, то есть *райот*, способен реализовать эту великолепную беконсфильдовскую идею в своих иссохших от лишения мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодною смертью...

---

⁷³ Этот орган человеческого тела, по-английски *сплин* (*spleen*), действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка – лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стóит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода британцев деликатности их *сплина*. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно, – рассуждают они, – чиновнику прикоснуться к радже или даже к собственному *китмагару* (буфетчику)* без того, чтоб у того, как назло, не лопнула селезенка!» Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджей припадок. Подхватил его под руки «политический агент», немножко потряс, чтобы привести в чувство, и только что посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь вот и возись с этим штатиком... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу – опеку над осиротевшим штатом! (*Резюме* из англо-индийской печати).

Подлинно: полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство. – *Примечание* Е.П.Блаватской.

* *Khitmatgar*.

⁷⁴ Речь идет о восстании индийских солдат (сипаев) в 1857–1859 гг. против жестокой колониальной политики англичан.

⁷⁵ Асцидия – морское беспозвоночное животное.

Принося за эту диверсию⁷⁶ челобитную, возвращаюсь к положению куимбатурцев в 1818 году. Попав между двух огней: *престижа* земных владык и суеверного страха пред владыками преисподней и их мщением, злосчастные дравиды почувствовали себя прищемленными между рогами ужасной дилеммы. Не прошло и недели, английские *саабы*, оставившие было жителей деревушки в сладкой надежде, что миновала их еще одна гроза, вернулись в Метополам⁷⁷ у подошвы Нильгири и поразили их как громом объявлением, что чрез три дня по прибытии нескольких гарнизонных солдат и межевщиков отряд намерен предпринять путешествие на священные вершины Голубых гор.

Услышав страшную для них новость, несколько земиндаров обрекли себя на *дхарну*⁷⁸, то есть голодную смерть у дверей *саабов*, пока те не взмилуются и не обещают отказаться от намерения. Деревенские *мунсифы*, разодрав одежду, что не стоило больших усилий, обрили головы своим женам и заставили их, в знак общественного бедствия и общего траура, царапать себе (конечно, жен) в кровь лица. Брамины читали заклинания и *мантры* вслух, посылая про себя англичан с их богохульными затеями в *нараку* ко всем чертям. *Метополам* огласился воплями и криками отчаяния на целых три дня. Ничего не помогло. Как сказано, так и сделано. Снарядив партию из подобранных между компанейцами смельчаков, новые Колумбы решились было пуститься в путь и без проводников. Деревня опустела, будто после военного разгрома; туземцы разбежались в ужасе, и межевщикам, коноводам партии, не оставалось делать ничего иного, как пойти самим разыскивать путь к водопаду. Они заблудились и вернулись. Эксплораторы⁷⁹, однако, не смутились. Поймав где-то спрятавшихся двух поджарых малабарцев, объявили их пленными: «Либо ведите и вот вам золото, либо отказывайтесь и все-таки пойдете, так как вас потащат силой. А затем вместо золота – тюрьма». А в те блаженные дни кротких отцов компанейства слово «тюрьма» было синонимом в Мадрасском, да и в других президентствах, *пытке*. Оно и теперь иногда случается, как это было еще недавно доказано, а в те времена жалобы самого младшего из писарей высшей расы было достаточно, чтобы подвергнуть туземца пытке. Угроза подействовала. Бедные малабарцы понурили головы и ни живые ни мертвые повели европейцев к Колакамбе.

Странно, если случилось затем то, что рассказывают, а что было так, в этом нам порукой официальное донесение двух межевщиков. Не доходя до водопада, на привале одного из малабарцев, невзирая на непривлекательную костлявость, унес тигр, прежде чем кто-либо из охотников заметил зверя. Крики несчастного привлекли их внимание, когда уже было поздно: «Выстрелы или не попали, или же убили жертву, которая вместе с похитителем исчезла из глаз, словно оба провалились сквозь землю», – сказано в рапорте. А другой туземец, переправившись через быстрый поток на другой, «запрещенный», берег за милю от водопада, где партия в первый день восхождения заночевала, без всякой видимой причины *внезапно умер*, вероятнее всего от страха. Любопытно читать мнение очевидца касательно этого странного совпадения. Описывая этот случай (в *Madras Courier* 3 ноября 1818 года), один из чиновников по имени Киндерзлей (*Kindersley*) пишет так:

«Убедясь в непритворной смерти второго *apana (nigger)*, наши солдаты, особенно суеверные ирландцы, очень смутились. Но мы с Уишем (*Whish*) (имя другого межевщика)⁸⁰ тотчас же решились: отступить – значило обесчестить себя без пользы, став вечным посмешищем товарищам и закрыть навеки вход в Нильгирийские горы и к их чудесам (коли такие там имеются) всем другим англичанам. Мы положили отправиться далее без проводников, тем более что ни оба умерших малабарца, ни другие живые не более нас самих знали дорогу по ту сторону водопада».

Далее следует подробное описание их трудного восхождения на горы и карабканья по совершенно перпендикулярным скалам, пока они не очутились за облаками, то есть за чертой «вечного тумана», и не увидели его волнующейся синевы под ногами. Так как все, что они там нашли, описано далее и находится в извлечениях из писем Д.Селливана⁸¹, уездного коллектора

⁷⁶ Диверсия (*лат.* *diversio*) – отклонение, отвлечение.

⁷⁷ Mettupalayam.

⁷⁸ Dharanā (*хинди*).

⁷⁹ исследователи, разведчики (*лат.*).

⁸⁰ J.C. Whish.

⁸¹ Джон Салливанн (Sullivan, 1788–1855) – коллектор в Коимбатуре.

куимбатурского, посланного после правительством на формальное следствие, то во избежание повторений я и ограничусь лишь поверхностным, в немногих словах, описанием главнейших походов двух межевщиков.

Отправляясь выше, далеко за рубеж туманов, наши авантюристы наткнулись на огромного боа-констриктора. Один из них нечаянно упал в полутемноте на что-то «слизистое и мягкое». Это «нечто» зашевелилось, зашуршало, встало и оказалось тем, чем оно и было, то есть весьма неприятным собеседником. Удав, в виде приветствия, обвился вокруг одного из «суверенных» ирландцев и успел, до получения нескольких пуль в широко разинутую пасть, сжать «Патрика»⁸² в своих холодных объятиях с такою силой, что несчастный чрез несколько минут после этого умер. Убив не без больших затруднений чудовище и смерив содранную кожу, путешественники нашли к ужасу и удивлению, что боа имел 26 футов⁸³ в длину! Затем пришлось копать для бедного ирландца могилу, что они совершили с большим трудом, еле успев спасти тело от налетевших со всех сторон белых коршунов. Могилу эту показывают до сего дня. Она находится под скалой, немного выше Куннура⁸⁴. Первые поселенцы-англичане сложились и украсили место приличным памятником в воспоминание «первого пионера, погибшего в экспедиции на горы».

Над двумя «арапами» не поставили ничего, хотя по праву они-то и были «первыми» погибшими в экспедиции жертвами, как и первыми, хотя и невольными, пионерами. Но если в глазах англичанина даже всегда ненавистный ирландец все же *нечто вроде* человека, то туземец Индии – даже и не скотина: иначе за него, наверное бы, заступилось Общество покровительства животным, чего оно, как всем известно, не делает.

Потеряв двух черных пешек и одного белого человека, англичане полезли далее и встретились со стадом слонов, дававших друг другу регулярное сражение. Слоны, к счастью, не заметили их, а потому и не тронули. Зато они заставили разбежаться во все стороны испуганный отряд. Когда отряд хотел снова собраться, то нашел себя рассеянным на группы по два и по три человека. Проплутав всю ночь в лесу, человек семь вернулись в разные часы следующего дня в деревню, из которой экспедиция вышла за сутки до того с такою заносчивостью. Три человека европейцев исчезли бесследно.

Оставленные одни, Киндерзлей и Уиш бродили по склонам гор в продолжение нескольких суток: то подымаясь на вершины, то снова спускаясь в ущелья. Все время им приходилось питаться ягодами и грибами, которые они находили здесь во множестве. Каждый вечер рев тигров и слонов заставлял их искать убежища на высоких деревьях и проводить ночи без сна, чередуясь часами и ожидая ежеминутно смерти. *Дивы* и другие таинственные обитатели и хранители «заколдованных» трущоб заявили себя таким образом с первого же дня. Неудачные искатели несколько раз порывались вернуться назад, но, невзирая на все усилия и хотя шли прямо вниз, встречали ежеминутно такие на пути препятствия, которые заставляли их поневоле сворачивать в сторону, а ища обойти скалу или холм, они находили себя снова в безвыходной трущобе. Их инструменты и даже оружие, кроме висевших на них ружей и пистолетов, остались в руках остальной партии. Им было невозможно ни ориентироваться, ни найти дороги вниз, и оставалось одно – подниматься все выше и выше. Если сообразить, что со стороны Куимбатура Нильгири возвышаются лестницей громадных перпендикулярных скал от 5000 до 7000 футов⁸⁵ до самой долины Уттакаманда, что многие из таких скал образуют страшные бездны и что межевщики именно и выбрали эту дорогу, то можно легко себе представить с какими трудностями пришлось им бороться. По мере их восхождения природа как бы отрезывала им путь назад. Часто им приходилось взлезать на верхушки дерев, чтобы затем перепрыгивать через обрывы на ближнюю скалу...

Наконец, на девятый день странствования, потеряв всякую надежду найти в этих горах что-либо кроме смерти, они решились попытаться еще раз вернуться назад, спускаясь с горы прямо и избегая сколько возможно всяких поворотов в сторону. Вследствие такого решения, они положили сперва взобраться на самую высокую пред ними местность, чтобы разглядеть с нее окрестности и

---

⁸² То есть ирландца, по имени Святого Патрика, христианского святого, покровителя Ирландии.

⁸³ 7,9 м.

⁸⁴ Кунур (англ. Coonoor).

⁸⁵ 1520–2130 м.

лучше сообразить предстоящий им путь. Они находились в то время на поляне на небольшом расстоянии от высокого и, по-видимому, довольно отлогого холма, как им показалось, с небольшими скалами наверху. Чтобы добраться до последних, казалось, стоило только взбежать на холм, что, судя по его наружному виду, не представляло больших затруднений. К их удивлению и с потерей последних сил им пришлось взбираться около двух часов. Густо покрытый травой, которую здесь называют «атласною» (*satin grass*), отлогий холм оказался до того скользким, что с первых же шагов пришлось им подниматься почти ползком и цепляясь за траву и кусты, чтобы каждую минуту не скатываться назад. Взбираться вверх по такой траве все равно, что стараться взойти на стеклянную гору. Достигнув, наконец, после невероятных усилий вершины, оба упали в совершенном изнеможении и приготовились, как пишет Киндерзлей, «к худшему».

То был ныне известный всему Уттакаманду знаменитый «Холм гробниц», или, как их здесь называют, *cairns*⁸⁶. Такое друидское название всего более подходит к характеру этих памятников неизвестной, но глубокой древности, которые межевщики сперва приняли за скалы. Этот, как и многие другие холмы Нильгирийской цепи, весь усеян подобными гробницами. Рассуждать о них, впрочем, много не приходится. Как и все остальное в этих таинственных горах, их происхождение и последующая история покрыты непроницаемым мраком. Пока, впрочем, наши герои отдыхают, собираясь с новыми силами, можно поговорить и о могилах, на это не потребуется много времени.

Когда лет двадцать позднее времени нашего рассказа стали производить раскопки, то в каждой гробнице было найдено большое количество железной, бронзовой и глиняной утвари, необычайной формы фигуры и металлические грубого изделия украшения. Ни фигуры, – по-видимому, идолы, – ни украшения, ни утварь ничем не напоминают подобных им предметов, употребляемых в других частях Индии и другими народами. Особенно глиняные изделия замечательны своим видом: словно первообразы гадов (описанные Берозом)⁸⁷, что ползали в хаосе при сотворении мира. Касательно самих гробниц, кем и когда они были сооружены, какой из людских пород они послужили последним убежищем на земле, также ничего нельзя ни сказать, ни

---

⁸⁶ Каирн (*англ.* cairn) – искусственное сооружение в виде груды камней, часто конической формы. Этот термин используется в археологии также для обозначения каменных курганов, каменного ядра в земляных курганах, засыпки камнями дольмена.

⁸⁷ См.: Berossus from Alexander Polyhistor // *Cory I.P. Ancient Fragments of the Phoenician, Chaldaean, Egyptian, Tyrian, Carthaginian, Indian, Persian, and Other Writers.* London, 1832. P. 21–29 (Беросс из Александра Полигистора // *Кори И.П. Древние фрагменты финикийских, халдейских, египетских, тирских, карфагенских, индийских, персидских и других писателей.* Лондон, 1832. С. 23–25).

См.: «Было, говорит, время, когда все было мраком и водой, и в них зародились чудовищные существа, имеющие необычный облик. Ибо появились двукрылые люди, а некоторые четырехкрылые и двулицые, тело имели одно, а голов – две, мужскую и женскую, и стыд двойной, мужской и женский. И другие еще люди, кто с козьими ногами и рогами, кто с лошадиными ногами, кто с задней частью коня, а передней – человека, эти имели облик гиппокентавров. Народились и быки с человеческими головами, и собаки с четырьмя телами, с рыбьими хвостами, торчащими сзади, и собачьеголовые кони, и люди, и другие существа, имеющие головы и тела лошадиные, а хвосты – рыбы, и прочие существа имеющие формы разнообразных животных. Кроме них рыбы, и гады, и змеи, и много других удивительных существ, попеременно соединявших в своем облике черты друг друга. Изображения их выставлены в храме Бела. Властвовала же над ними над всеми женщина по имени “Оморка”; по-халдейски – это “Талаттх” (Гиамат), а на греческий переводится как “море”, а в числовом выражении – это луна.

Когда все находилось в таком состоянии, Бел, взбравшись на женщину, разорвал ее посередине, и одну половину ее сделал землей, а другую половину – небом, и животные, которые были внутри нее, исчезли. Так, говорит, аллегорически рассказывается о природе. Все было влагой, и в ней зародились живые существа, а этот бог отрубил собственную голову, остальные же боги смешали хлынувшую из головы кровь с землей и создали людей. Поэтому они разумны и причастны к божественной мысли» (*Беросс. Вавилонская история*).

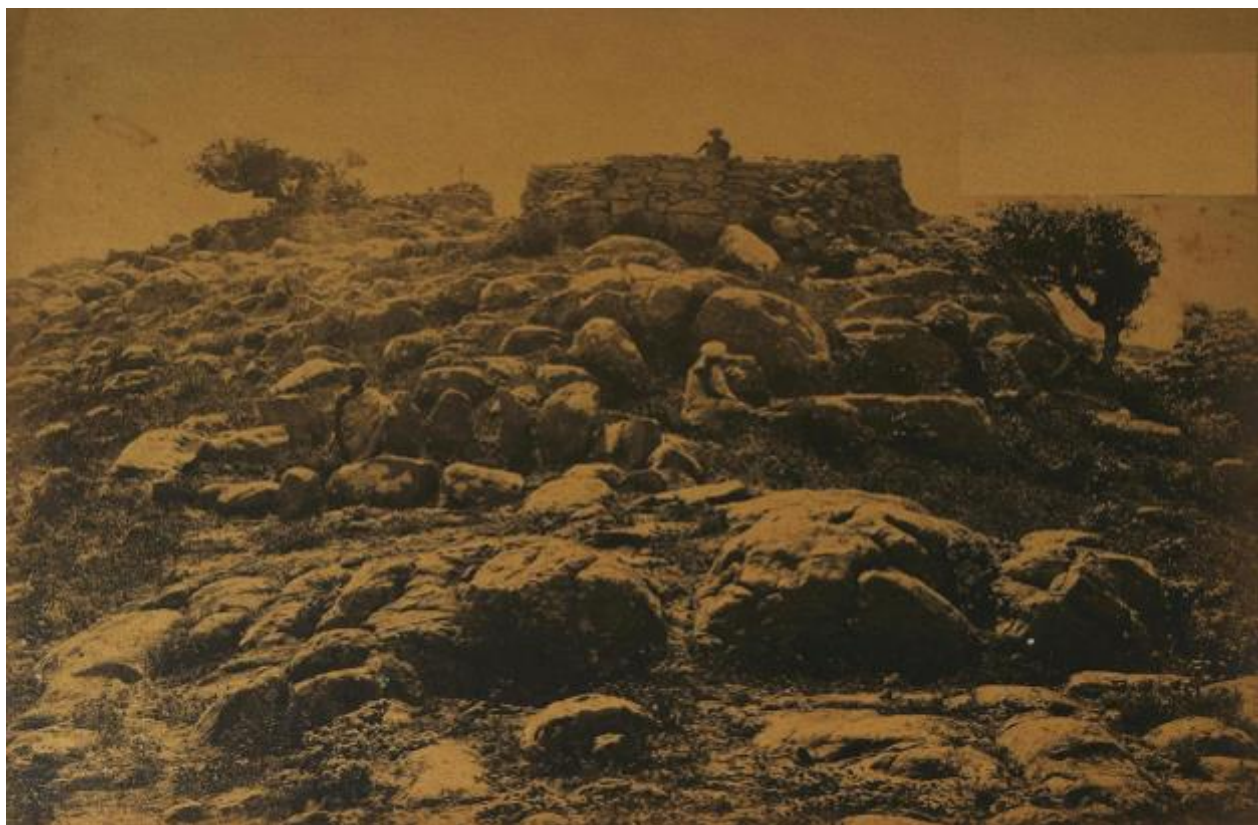
Берос (Беросс, *лат.* Berossos, ок. 350/340 – 280/270 до н.э.) – вавилонский историк, жрец бога Бэла в Вавилоне. Беросс прославился написанным им на греческом языке сочинением по истории древней Месопотамии – «Вавилонская (халдейская) история» в 3 книгах. Это сочинение сохранилось до нашего времени лишь в отдельных отрывках и цитатах, воспроизведенных рядом античных авторов. «Вавилонская история» охватывает события от начала мира до Александра Великого. Первая книга посвящена истории допотопной Месопотамии и содержит по большей части обработанные религиозные тексты и мифы, в том числе цикл мифов творения мира и человека.

Луций Корнелий Александр, по прозвищу Полигистор (Полиистор, то есть энциклопедист; 100–40 до н.э.) – греческий ученый, «универсальный человек».

Исаак Престон Кори (1802–1842) – английский адвокат, антиквар и коллекционер книг.

даже предположить, ибо всякая гипотеза разбивается тем либо другим затруднением. Что означают эти странные геометрические фигуры, каменные, костяные и глиняные, эти додекаэдры, треугольники, пяти-, шести- и восьмиугольники самой правильной формы, эти, наконец, глиняные фигурки с бараньими и ослиными головами на птичьих телах? Гробницы, то есть окружающая могилу стена всегда овальной формы, от двух до трех аршин⁸⁸ вышины и сложена из крупных неотесанных и без всякого цемента камней. Стена всегда обрамляет глубокую, иногда в пять и шесть ярдов⁸⁹ глубины могилу, покрытую довольно правильным сводом и выложенную иногда, как склеп, гладкими камнями, хотя склепы трудно различить – до такой степени они завалились от древности землей и камнями. Форма гробниц, хотя и схожая своим внешним видом с такими же древними могилами в других частях света, мало сама по себе проливает света на их происхождение. Такие памятники находятся в Бретани и других частях Франции, в Валлисе⁹⁰ и в Англии, как и в горах Кавказа. Конечно, у английских ученых и тут дело не обошлось без вездесущих скифов и парфян. Только схороненные в них археологические останки уж совсем не скифские, да и скелетов в них еще не находилось до сей поры, как и чего-либо похожего на оружие. Надписей также нет никаких, хотя и были вырыты каменные доски, по углам которых выцарапано нечто похожее на иероглифы, вроде тех, что находятся на обелисках Паланки⁹¹ и других мексиканских развалин.

Каирны

(фотография из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

Между всеми пятью племенами Нильгирийских гор, людьми пяти совсем различных между собою пород⁹², не нашлось никого, кто мог бы доставить хоть малейшее сведение касательно этих

---

⁸⁸ 1,4–2,1 м.

⁸⁹ 4,6–5,5 м.

Ярд – британская единица измерения расстояния, равная 0,9144 м.

⁹⁰ Уэльс (англ. Wales).

⁹¹ Паленке (исп. Palenque) – условное название развалин большого города майя на северо-востоке мексиканского штата Чьяпас – политического и культурного центра майя в III–VIII вв., столица Баакульского царства.

⁹² См. описание этих пяти племен далее, в III главе. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

никому не известных могил. Тодды, самое древнее из пяти племен, также ничего не знают о них. «Не наши и не можем сказать, чьи они; наши отцы и первые поколения нашли их здесь, и никто не строил их за наше время», – вот постоянный ответ тоддов археологам. Если вспомнить при этом древность, которую себе приписывают тодды, то выйдет, что в этих могилах хоронили праотцов Адама и Евы. Обряды погребения у всех пяти племен совершенно различные между собою. Тодды сжигают своих покойников вместе с любимыми буйволами; муллу-курумбы хоронят их под водой; эруллары привязывают их к верхушкам дерев, и т.д.

Если бы, придя в себя, заблудившиеся охотники встали и принялись бы осматривать окрестность, которая расстилалась пред ними во все стороны на много десятков миль, то они, вероятно, предупредили бы меня описанием одной из великолепнейших панорам Индии, так как, не ведая еще тогда сами того, они находились на самой высокой, за исключением Тоддабетского пика⁹³, вершине этих гор. Трудно представить себе, а еще менее браться описывать чувства, волновавшие в то время двух альбионцев лицом к лицу с такою грандиозною картиной. Вероятнее всего, что ничего похожего на восторг художника или члена «Альпийского клуба»⁹⁴ не нашло себе места в их усталой груди. Они были голодны и полумертвы от истощения, а такое физическое состояние всегда будет брать верх в подобные минуты над духовным элементом бедного человечества. Если бы, – как то часто делают теперь, шестьдесят лет позднее, их потомки, – если бы они приехали к этому холму верхом или в рессорной коляске, окруженные десятками корзин с яствами для веселого пикника, то они вероятно пришли бы в такой же энтузиазм, как и все мы пред открывающимся с этого холма как бы новым миром. Но то был критический час как для всего Мадрасского президентства, как для них, так и для нас: погибни они тогда в горах, не было бы теперь ежегодно спасаемых сотен жизней, как и не был бы написан нами этот правдивый рассказ.

Так как эта местность тесно связана с последующими событиями, то я прошу позволения очертить ее и вместе с тем выразить, за отсутствием лучшего описания, свои собственные чувства. Трудно тому, кто побывал хоть раз на «Холме гробниц», забыть его в продолжение самой долгой

⁹³ Англичане почему-то называют его Доддидбет. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹⁴ «Альпийский клуб» – первый в мире клуб альпинистов, который был основан в 1857 г. в Лондоне.

жизни. А пишущая эти строки не раз совершала геркулесовский подвиг восхождения на холм по этому скользкому пути... Впрочем, спешу оговориться и вместе покаяться: подвиг был всегда совершаем мною в покойном кресле-паланкине на головах у дюжины алчных кули, всегда готовых в Индии рисковать селезенкой из-за пригоршни меди. В Англо-Индии мы легко привыкаем ко всему, даже обращаться в невменяемых убийц ближнего, злосчастного меньшого брата, пряникообразного и высохшего кули. Но в отношении к «Холму могил», по крайней мере, мы желаем и требуем смягчающих обстоятельств в виду нашей тяжелой вины пред совестью. Всегда ожидающий на нем путника мир волшебства и чудес природы способен парализовать всякую предосторожность не только касательно чужой, но даже и своей селезенки.

Постарайтесь вообразить себе эту картину. Взойдите на этот холм, то есть почти на 9000 футов выше уровня моря, которое, к слову, синее тонкою ниткой в сорока милях отсюда, на горизонте Малабарских берегов, и взгляните: под ногами у вас миль на двести кругом расстилается пространство как на ладони! Куда ни взглянешь, направо, налево ли, на юг или на север, пред глазами у вас волнуется безбрежное море зеленых, алых и синих холмов, остроконечных, зубчатых и закругленных вершин скал, самых фантастических и капризных форм, точно иссиня-зеленый, облитый сиянием тропического солнца бурливый океан во время циклона, покрытый мачтами утопающих и утонувших кораблей. Таким мы видим иногда океан-призрак во время сна.

Взгляните теперь на север. Хребет Нильгирийской цепи, поднимаясь на 3500 фут[ов]⁹⁵ выше нагорных плоскостей Майсура, перебрасывается гигантским мостом в 15 миль ширины и 49 в длину, как бы вырастая из пирамидообразного Иелламулая⁹⁶ Западных *Гхат*, и стремится сломя голову отлогими уступами с сияющими безднами по обеим сторонам вплоть до утопающих в бархатистой сизой мгле округленных холмов Майсура. Там, наткнувшись на острые скалы Пайкара – чудовищный мост, кроме узенькой полоски, которая соединяет одну цепь с другою, – вдруг обрывается перпендикулярно вниз, разбивается на мелкие скалы, превращается в булыжник и начинает шуметь, бурлить потоком, бешено прорываясь вперед, будто догоняя светлую реку, вырвавшуюся из мощных недр его горы.

А теперь бросьте взгляд на южную сторону Холма могил. Там, миль на сто в длину, во всю юго-западную область Голубых гор дремлют во всем величии своей недоступной, девственной

⁹⁵ 1070 м.

⁹⁶ Elivai Mala.

красоты темные леса, непроходимые болота Куимбатура, замыкаемые красными, как кирпич, холмами Кхунда. Еще далее, левее на восток, извиваясь каменным змеем, уходит вдаль средний хребет *Гхат* между двумя рядами высоких, вулканических, почти отвесных скал. Увенчанные, словно растрепанными волосами на макушке, букетами изогнутого во все стороны ветром ельника, эти вереницы отдельных зубчатых вершин представляют самое любопытное зрелище. Можно подумать, будто выбросившая их вулканическая сила имела в виду приготовить каменную модель грядущего человека: до того эти утесы имеют человекообразную форму. Сквозь волнующийся, прозрачный, как дымка, туман они будто сами волнуются, двигаясь одна за другою, и мнится, будто скачут и бегут они, эти старые, покрытые вековым мхом скалы. Перепутываясь, толкая, опережая и разбиваясь друг о друга, спешат они, как мальчишки-школьники, скорее вырваться из узкого ущелья на простор и свободу... А кругом, высоко над ними, под самыми ногами стоящего на Холме могил туриста, расстилается на первом плане картина совсем другого рода: тишь да гладь да Божья благодать...

Горшки с фигурками из каирнов
(фотографии из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

Поистине, весенняя идиллия Вергилия⁹⁷, обрамленная грозными картинами из *Ада* Данте⁹⁸. Изумрудные, испещренные цветами пригорки, рассыпанные, как бородавки, по светлому лику горной долины с ее длинною шелковою муравой и ароматическими травами. Только вместо белоснежных барашков да пастушков с пастушками стада громадных черных как смоль буйволов, а вдали неподвижная, как бронзовая статуя, атлетическая фигура молодого длиннокудрого тодда-тиралли, или «священнодействующего».

На этой выси царствует вечная весна. Даже декабрьские и январские морозные ночи не способны изгнать ее отсюда в полдень. Здесь все свежо и зелено, все цветет и благоухает круглый год, и Голубые горы являются здесь во всей прелести улыбающегося даже сквозь слезы младенца,

⁹⁷ Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.) – поэт Древнего Рима.

⁹⁸ Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель, автор «Божественной комедии».

прекраснее, быть может, во время сезона дождей, нежели в другое время года⁹⁹. Да и все на этих высотах как будто только зарождается, появляется на свет Божий впервые. Сердитый горный поток здесь еще в колыбели. Он бьет пока из-под родного камня тонкою струей, убегая далее журчащим ручейком, на прозрачном дне которого лежат атомы будущих грозных утесов. В своем двойном образе природа является здесь полным символом человеческой жизни: чистой и ясной, как само младенчество на этих высотах; суровой и истерзанной, как сама жизнь в борьбе стихийной ниже. Но все вверху, как и внизу, цветет во все времена года всеми радужными красками волшебной палитры Индии. В этих горах пришлецу из долин все кажется необычайным, чуждым, диким. На них поджарый, пряничного цвета кули превращается в бледнолицего рослого тодда, который, как привидение древнего римлянина или грека, с гордым профилем, важно драпируясь в белую льняную тогу, подобной которой нет ничего похожего в Индии, глядит на индуса с благосклонным презрением быка, взирающего задумчиво на черную жабу. Здесь желтоногий, пестрый ястреб низменностей является могучим горным орлом, а иссохший ковыль и обгорелый репейник кактуса мадрасских полей вырастает в гигантскую траву, в целые леса тростника, где слон может смело играть в прятки, не страшась людского взгляда. Здесь поет русский соловей, а кукушка кладет яйца в гнездо южной желтоносой майны вместо гнезда своего северного друга, глупой вороны, которая превращается в этих лесах в свирепого, черного как смоль ворона. Здесь всюду контраст: куда ни глянешь, аномалия. Из густой листвы дикой яблони вылетают в светлый полдень мелодичные звуки, чириканье и песнь неизвестных в долинах Индии пернатых, а из темного бора несется подчас зловеющий рев тигра и читты¹⁰⁰ да мычанье дикого буйвола... Минутами торжественная тишина, царящая на высотах, прерывается тихими, таинственными звуками, шуршаньем, порою диким, сиплым криком. Затем все снова умолкает, замирает в благоуханных волнах чистого горного воздуха, и опять надолго воцаряется не перерываемое ни одним звуком молчание. В такие минуты затишья одно внимательное, любящее природу ухо способно уловить биение ее мощного, здорового пульса, чутко угадывая его непрерываемое движение даже в этом немом заявлении радостной жизни мириадами ее творений, видимых и невидимых.

Фигурки из холмов Нилгири (Британский музей)

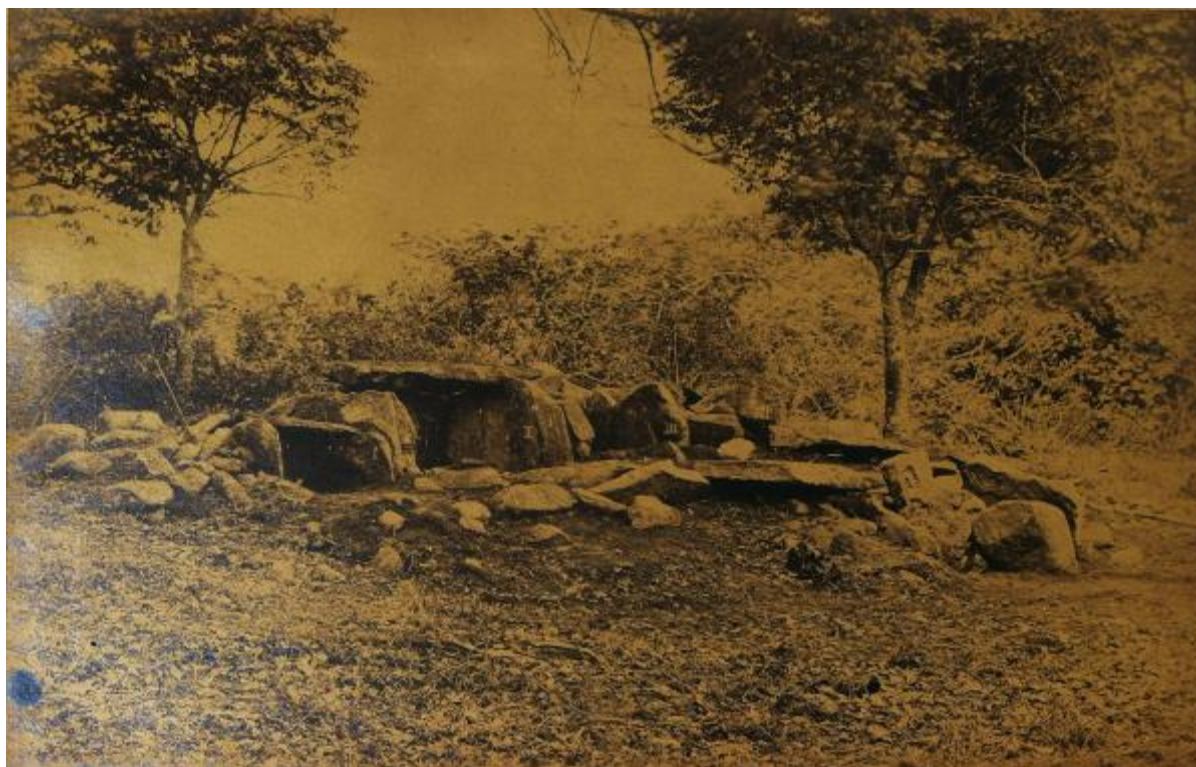
⁹⁹ В сезон дождей, когда у подошвы гор льет проливной дождь, здесь он только покрапывает по несколько часов в день, да и то урывками. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰⁰ Чита (*англ. cheetah*) – азиатский гепард.

Нет, не легко забыть Голубые Нильгири тому, кто пожил в них! В этом чудном климате мать-природа, собрав свои разбросанные силы, собрала их в одно для произведения всех образчиков своего великого творчества. Она как бы чередуется проявлениями то северных, то южных полос земного шара. Потому-то она то оживляется, просыпаясь к деятельности, то снова замирает, усталая и ленивая... То видишь ее полудремлющую во всем величии облитой ярким солнцем юга красоты, убаюкиваемую стогласною мелодией всех ее царств; то встретишь ее гордую и дикую, напоминающую о своей мощи колоссальными растениями тропических лесов и ревом ее великанов-зверей. Еще один шаг в другую сторону и она снова падает как бы изнеможенная после крайнего усилия и сладко засыпает на ковре северных фиалок, незабудок и ландыша... И лежит наша великая, мощная мать тихо и неподвижно, обвеваемая прохладным ветерком да нежными крыльями целого роя невиданных, волшебного-красивых мотыльков и бабочек!..

Теперь подножие этого холма обвито тройным поясом рощ эвкалипта. Рощи обязаны своим существованием ранним европейцам-плантаторам¹⁰¹. Кто не знаком с этим прекрасным *Eucalyptus globulus*, австралийским деревом, которое разрастается в три-четыре года, как другое не разрастется и в двадцать, тот не знаком с главною прелестью садов. Служа замечательным средством, очищающим воздух от всяких миазмов, такие рощи делают климат Нильгири еще более здоровым. Все ошалевшие от чересчур монотонно-горячих ласк индийской природы туземцы, как и представители Европы в Мадрасском президентстве, рвутся искать выздоровления и отдыха в лоне ее на этих горах, и она никогда не обманывает этих ожиданий; соединив, как в один букет, все климаты, все флоры, зоологию, как и орнитологию, пяти частей света, гений гор подносит все это от имени своей владычицы каждому забравшемуся в Нильгири усталому путнику.

Голубые горы – то визитная карточка с полным исчислением заслуг и титулов, которую природа, злая мачеха европейца в Индии, оставляет в знак полного примирения своему, ею же замученному пасынку.

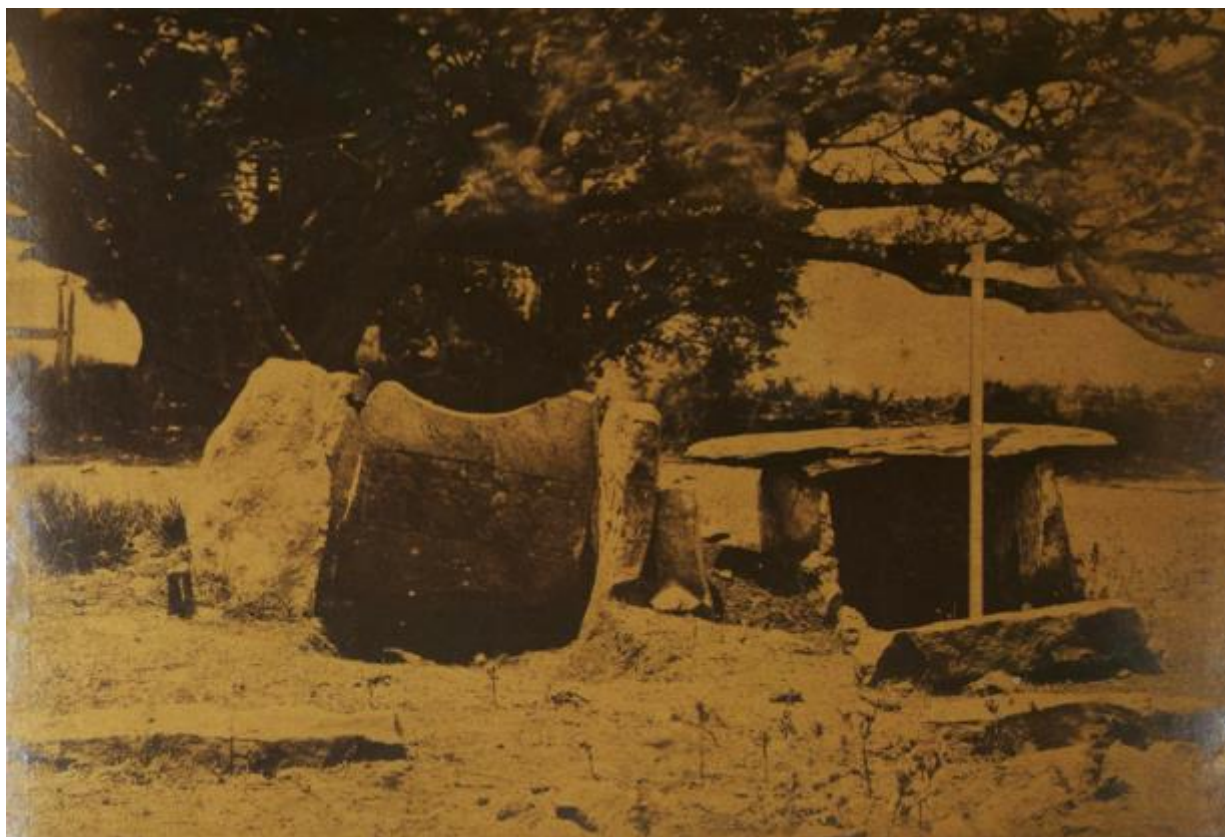
¹⁰¹ Сорок лет тому назад тремя фунтами* семян этого дерева, присланных из Австралии, генерал Морган засеял все пустые места и долины окрестностей Уттакаманда. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* 1,360 кг.

Фунт – единица измерения массы, равная 0,45359237 кг.

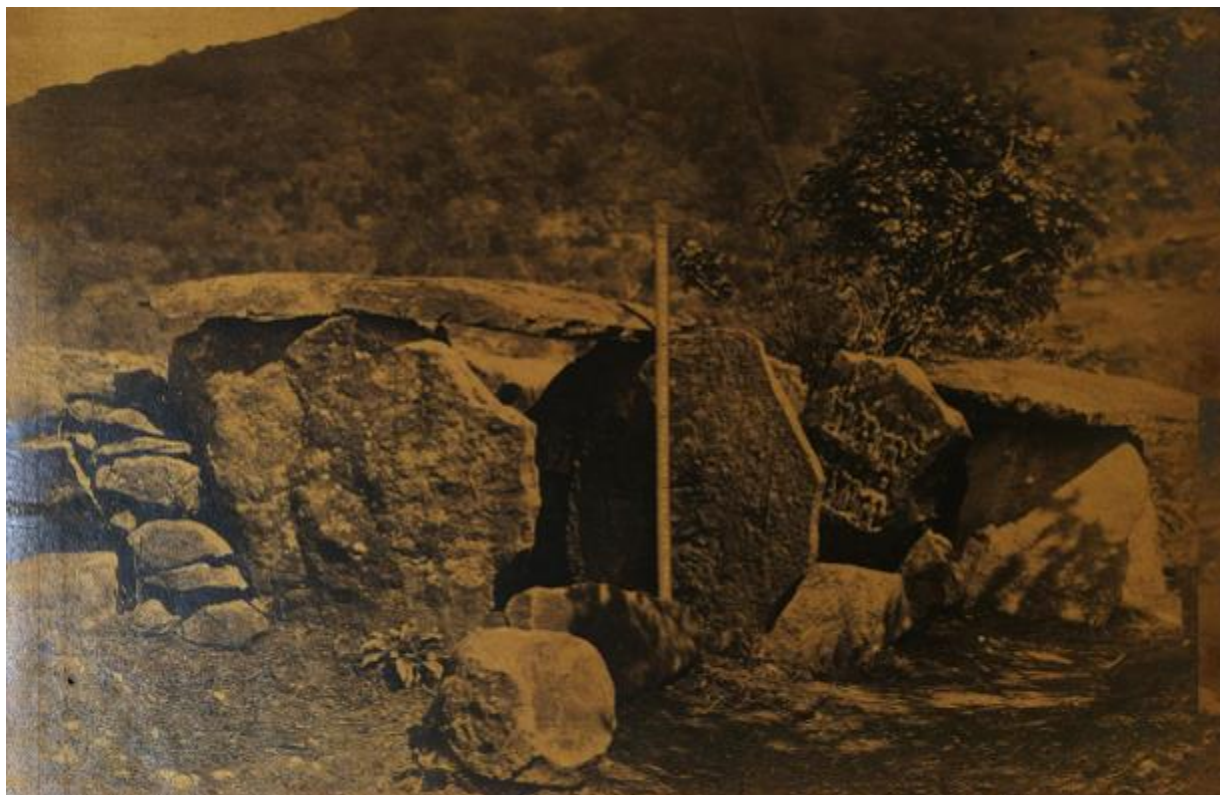
Час такого примирения пробил и для наших бедных героев. Совершенно разбитые, они еле могли держаться на ногах. Пострадавший менее Уиша и более сильный Киндерзлей, отдохнув, стал обходить пригорок. Он старался высмотреть с этого холма в расстилавшемся пред ним хаосе скал и лесов удобнейший для возвращения путь. Ему показалось, будто он видел недалеко оттуда дым и поспешно вернулся к товарищу, чтобы сообщить ему новость, как вдруг он был поражен будто громом... Пред ним стоял, повернувшись к нему в полуоборот спиной, бледный как смерть и как в лихорадке дрожащий Уиш. Вытянув руку, он конвульсивно тыкал указательным пальцем в даль. Тогда, взглянув по направлению пальца, всего в нескольких сотнях футов от них, в ложбине у самого подножия холма, Киндерзлей заметил сперва жилье, а немного далее и людей. Вид этих предметов, который в другое время несказанно бы обрадовал их, поразил в то время почему-то обоим просто ужасом. Правда, дом был какой-то странный, невиданной ими прежде нигде архитектуры. В нем не было ни окон, ни дверей, и он был круглый, как башня, и с совершенно пирамидальной, хотя и закругленной сверху крышей. Что же касается людей, то на первый взгляд оба компанейца даже колебались принять их за людей. Оба инстинктивно бросились за стоящий невдалеке от них куст и, раздвинув ветви, глядели во все глаза на странные, двигавшиеся пред ними фигуры. То, что они в них узрели, описано Киндерзлеем как «группа великанов, а возле них несколько групп страшно уродливых карликов!» Забыв всю прошлую удаль и насмешки, они были готовы серьезно принять их за гениев и гномов этих гор. Как вскоре оказалось, то были просто огромные тодды, их данники и обожатели баддаги и крошечные слуги этих данников, безобразнейшие в мире дикари – муллу-курумбы.

Истратив весь заряд, потеряв одно из ружей и чувствуя себя в состоянии полного расслабления неспособными противиться нападению даже таких карликов, компанейцы собирались, незаметно скатившись кубарем с холма, улизнуть, как вдруг заметили подошедшего с тыла другого неприятеля. Подкрававшиеся к ним и усевшиеся выше их на дереве, обезьяны внезапно открыли по ним пальбу весьма неприятным для них снарядом – грязью. Их стрекотание и воинственные крики очень скоро привлекли внимание пасшегося невдалеке отсюда стада огромных буйволов. Буйволы замычали в свою очередь, высоко подняв головы к вершине

пригорка, а затем и тодды, как видно, заметили их. По крайней мере, пред ними появились через несколько минут отвратительные карлы и овладели без всякого сопротивления двумя полумертвыми героями. С Киндерзлеем сделался, по его показанию, «обморок от одного испускаемого чудовищными дикарями зловония». К их великому удивлению, однако, карлики их не съели и даже не очень помяли: «Они только прыгали да плясали перед нами, хохоча во всю огромную глотку, – пишет Киндерзлей. – Великаны, то есть тодды, оказались совсем *джентльменами*» (sic). Удовлетворив своему весьма понятному любопытству при виде, как оказалось, первых когда-либо ими виденных белых людей, тодды напоили их превосходным буйволим молоком, накормили похлебкой из грибов и сыром, а затем уложили отдыхать в замеченном ими пирамидальном домике, где оказалось «темно, но тепло и сухо и где (они) и проспали как убитые до другого утра».

Всю ночь, как потом оказалось, тодды просидели в торжественном совете. Несколько лет спустя, когда мистер Селливан, которого они до сих пор называют «отцовским братом»¹⁰², самое почтительное у них после «отца» название, приобрел их искреннюю любовь и доверенность, рассказывая ему об этой памятной для них ночи, тодды ему говорили, что они уже давно поджидали к себе в горы «людей со стороны заходящего солнца». На вопрос Селливана, как это они могли знать, они отвечали неизменно одною и тою же фразою: «*Так нам давно объявили буйволы, а они всегда и все знают*». В эту ночь их старики решили участь англичан, а также и перевернули новую страницу в книге своей собственной истории.

На другое утро, видя, что англичане еле могли двигаться, тодды приказали своим данникам снарядить для больных нечто вроде носилок, на которых их и понесли баддаги. Англичане заметили, что тодды услали еще с утра куда-то карликов. «С тех пор и до самого дня возвращения в Нильгири мы их не видели и даже нигде не встречали», – рассказывает Киндерзлей. Как узнано позднее, особенно из рассказов миссионера Метца¹⁰³, тодды не без причины боялись для своих

---

¹⁰² По причинам, о которых будет заявлено далее, тодды не признают никаких родственников, кроме отца, да и то чаще всего номинально. Для тодда тот ему отец, кто его усыновит. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁰³ См.: Metz F. The Tribes Inhabiting the Neilgherry Hills. Their Social Customs and Religious Rites. Madras, 1856 (*Мец Ф. Племена, обитающие на холмах Нилгири. Их общественные обычаи и религиозные обряды. Мадрас, 1856*).

Иоганн Фридрих Мец (1819–1885) – немецкий миссионер.

гостей враждебного присутствия карликов муллу-курумбов: они их послали назад, в их лесные тущобы, *строго запретив им глядеть на белых странников*. Такое немного странное запрещение было ими мотивировано миссионеру тем, что «взгляд курумбы убивает не привыкшего к нему и боящегося его человека»¹⁰⁴, а так как боязливое отвращение англичан к этим карликам было, конечно, подмечено тоддами в первую же минуту их появления, то вследствие этого явилось и запрещение курумбам *глядеть* на пришлецов.

Бедные, великодушные тодды! Кто знает, как часто впоследствии раскаивались их старики, что недоброму *глазу* муллу-курумбов они не предоставили этих людей, от возвращения которых в Мадрас и их доклада зависела дальнейшая участь Нильгири!.. Но «так давно порешили буйволы... а они знают!».

Кромлехи

(фотографии из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

Тихо и медленно несомые на носилках баддагами, удивляясь и, конечно, радуясь своему нежданному счастливому избавлению, англичане имели теперь случай лучше разглядеть дорогу и окружающие их окрестности. Они были поражены громадным разнообразием этой растительности, которая соединяет в себе почти все породы тропиков, а вместе с тем и северных климатов. Нередко им попадались гигантские старые сосны, шероховатые стволы которых совсем исчезали у корней среди букетов алоэ и кактусов. Фиалки цвели у подножия пальм, а белостволая береза и трепещущая осина отражались в темных тихих водах пруда рядом с царским цветом Египта и Индии, гордым лотосом. По дороге они находили фруктовые деревья всех стран, ягоды всех сортов от бананов до яблонь и от ананасов до малины и клубники. Страна изобилия, благословенная обитель! Голубые горы, видимо, избраны природой одним из пунктов ее всемирной выставки!

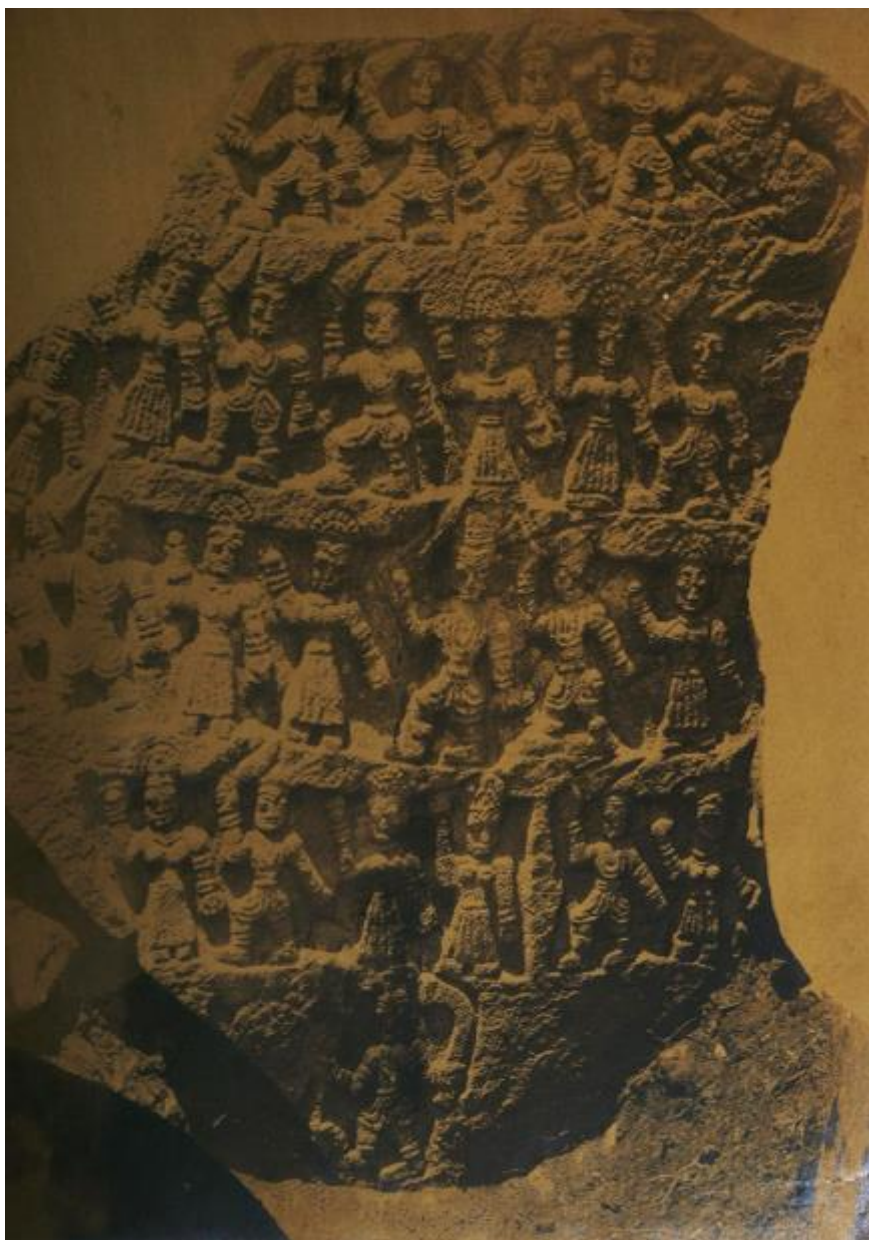
¹⁰⁴ Считается, что муллу-курумбы «обладают силой убивать людей с помощью колдовства, и их так сильно боятся, что если бадаг встречает курумбу в джунглях, нередко последствием этого является смерть от полнейшего страха» (*Metz F. The Tribes Inhabiting the Neilgherry Hills. Their Social Customs and Religious Rites. Mangalore, 1864. P. 116*).

Во все время спуска вокруг путников журчали сотни ручьев; из трещин скал била здоровая ключевая вода, поднимались пары из минеральных источников, а всюду веяло прохладой, о которой они давно позабыли в знойной Индии.

В их первую по дороге ночь с ними приключилось очень смешное происшествие. Баддаги, после небольшого совещания вдруг насильно завладев ими, раздели догола и, не обращая внимания на их отчаянное сопротивление, окунули в теплую минеральную воду лужи и обмыли им раны и царапины. После этого, держа их поочередно на скрещенных руках выше уровня воды и прямо над теплым паром, стали петь нечто вроде заклинаний с аккомпанементом таких ужасных кривляний и диких возгласов, пишет Киндерзлей, «что нам серьезно почудилось одну минуту, будто они собираются нас принести в жертву одному из лесных богов».

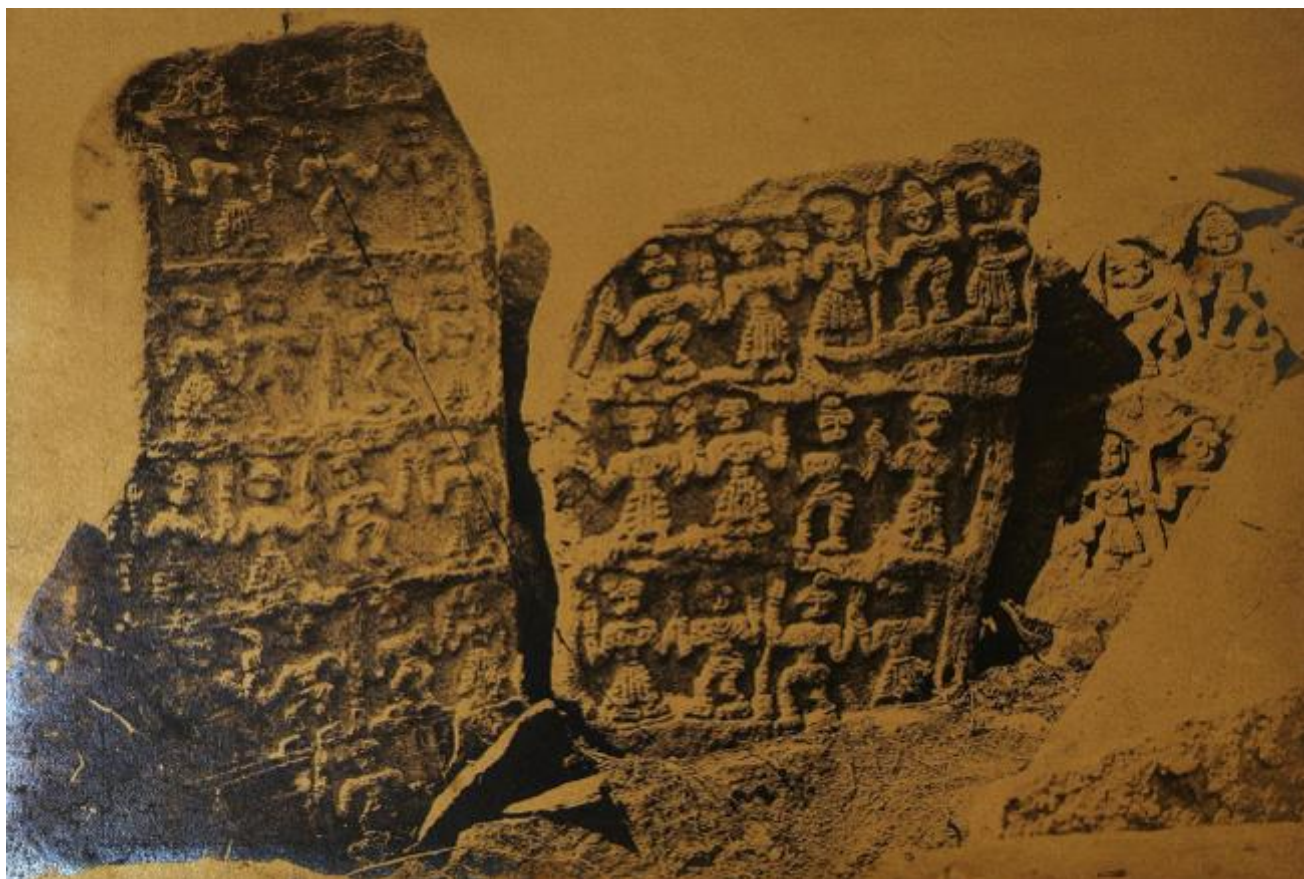
Но англичане ошибались, хотя лишь к утру убедились в несправедливости своего подозрения. Натерев им больные ноги каким-то тестом из мягкой глины и сочных трав, баддаги тепло закутали их и «буквально усыпили над теплым паром источника». Проснувшись на другое утро, они почувствовали необычайное облегчение во всем теле и особенно крепость в мускулах. Всякий след боли в ногах и сочленениях как бы по волшебству исчез. Они стали совершенно здоровыми и окрепшими. «Нам сделалось положительно совестно пред этими заподозренными нами так напрасно дикарями», – рассказывает Уиш в письме к приятелю.

К полудню они спустились так низко, что им стало довольно жарко, и они заметили, что перешли за черту туманов и находились уже на куимбатурской стороне. Уиш пишет, что они не могли довольно надивиться одному: при восходе на гору они встречали ежечасно следы присутствия разных диких зверей; им приходилось глядеть в оба и окружать себя величайшими предосторожностями, чтобы не попасть в логовище тигра, не наткнуться на слона или стаю читт... «Теперь же, на возвратном пути, *лес как бы вымер*: самые птицы щебетали, казалось, только издали, не подлетая к нам... Нам не перебежал пути даже красный заяц». Баддаги вели их вниз узенькою, извилистою и еле заметною, но неправильною тропой, не пересекаемою, видимо, никакими препятствиями.

Как раз пред заходом солнечным они вышли из леса и скоро стали встречать на пути куимбатурцев из подгорных сел. Но им не пришлось знакомить их с проводниками. Завидя еще издали толпу возвращавшихся с работы кули, баддаги мгновенно исчезли, прыгая с одной скалы на другую, словно стая испуганных обезьян. Так чудесно спасенные англичане остались снова одни. Но теперь они находились на опушке леса, и всякая опасность миновала.

Подозвав людей, они узнали от них, что находятся почти в Малабаре, в Уинди, то есть стране диаметрально противоположной Куимбатуру. Целая горная цепь отделяла их, таким образом, от водопада Калакамбе и деревни, из которой они отправились. Малабарцы вывели их на большую дорогу и к ужину они были уже под гостеприимною кровлей *мунсифа*¹⁰⁵ небольшой деревушки. На другое утро они запаслись лошадьми и к вечеру прибыли благополучно в знакомую им деревню, в ту самую, откуда пустились в путь в заколдованные горы ровно двенадцать дней назад.

Слух о благополучном возвращении богохульных *саабов* из обители богов разнесся по селу и его окрестностям с быстротой молнии.

¹⁰⁵ Староста. – Примечание Е.П.Блаватской.

«Дивы не наказали дерзновенных... они даже не тронули *ферингов*¹⁰⁶, которые так смело вторглись в их веками замкнутые от остального мира владения... Что это значит? Неужели они избранники *saddu*¹⁰⁷?» Вот что шепталось, сообщалось и передавалось из одного села в другое, пока не сделалось необычайным событием дня. Брамины хранили зловещее молчание. «Такова на этот раз, – говорили старики, – воля благословенных *див*, но что скажет будущее? Это одним им (сиречь¹⁰⁸ богам) известно». Волнение распространилось далеко за границы уезда. Целые толпы суеверных дравидов приходили простираться пред англичанами и отдавать им все предписанные для «избранников богов» почести...

Межевщики торжествовали. «Британский престиж» пустил глубокие корни и утвердился на долгие годы у подножия Голубых гор...

---

¹⁰⁶ См.: «Firinghee – *перс.* Farangi, Firingi; *араб.* Al-Faranj, Ifranji, Firanji, то есть франк. Этот термин, обозначающий европейца, очень стар в Азии, но когда его теперь используют уроженцы Индии, он либо применяется (особенно на юге) специально к португальцам, родившимся в Индии, либо, когда используется в более общем смысле для “европейца”, подразумевает что-то враждебное или пренебрежительное» (Yule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson. A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical Geographical and Discursive. London, 1903. P. 352 (Юль Г., Бернелл А.К. Хобсон-Джобсон. Словарь разговорных англо-индийских слов и фраз и родственных терминов, этимологических, историко-географических и дискурсивных. Лондон, 1903. С. 352)).

Генри Юль (1820–1889) – шотландский востоковед и географ.

Артур Коук Бернелл (1840–1882) – английский государственный служащий в Мадрасском президентстве, знаток санскрита и дравидийских языков.

Хобсон-Джобсон – термин, обозначающий искажение слов одного языка носителями другого.

¹⁰⁷ Садху (*санскр.* sādhu) – термин, которым в индуизме и индийской культуре называют аскетов, святых и йогингов.

¹⁰⁸ то есть, а именно (*устар.*).

Скульптуры из кромлехов
(фотографии из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

Глава II

Новое восхождение на Тоддабетский пик. – Англия объявляет «Голубые горы» британскою территорией и кладет Нильгири в карман. – «Боги» разжалованы в смертные. – Различные гипотезы о тоддах.

А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь¹⁰⁹ ...

До этой страницы, невзирая на данные почерпнутые мною из печатных рассказов Киндерзлея и Уиша, наша быль все-таки выглядит сказкой. Не желая быть заподозренною даже в преувеличении, продолжаю описание уже со слов самого правителя куимбатурского, «высокоблагородного» (*High Honourable*) Д.Сёлливана из напечатанных в тот год его рапортов Ост-Индской компании. Таким образом, наша быль примет чисто официальный характер. Она не будет уже, как то могло казаться доселе, извлечением из полуфантастического рассказа еле живых, голодных охотников, быть может, в припадке лихорадочного от лишений бреда и не одной ссылкой на сказки суверенных дравидов, а дословным пересказом донесений английского чиновника и изложением его последующих статистических работ касательно Голубых гор. Мистер Д.Сёлливан жил на Нильгири и управлял его пятью племенами долгое время. Память об этом справедливом и добром человеке не исчезнет еще много лет. Она живет доселе на холмах¹¹⁰, увековечена выстроенным им Уттакамандом с его прелестным озером и цветущими садами, а его книги, доступные каждому, служат свидетельством и подтверждением всего того, что читатель найдет далее. Интерес нашего рассказа может только возрасти от выписки подлинных слов покойного коллектора Куимбатура.

Проверив в дни нашего личного пребывания на горах точность наблюдений над тоддами и курумбами целого роя чиновников и миссионеров и сравнив их показания и теории с данными из книг мистера Сёлливана и дословных показаний генерала и мистрисс Морган¹¹¹, ручаюсь за верность сведений. Продолжаю летопись с того дня, как после чудного своего избавления землемеры вернулись в Мадрас.

Слухи о новооткрытой земле и ее жителях, о гостеприимстве и особенно об услуге, оказанной тоддами героям нашей второй главы, приняли под конец в стоустой молве такие размеры, что «отцы» проснулись и принялись, наконец, серьезно за дело.

Послали нарочного из Мадраса в Куимбатур. Теперь на путешествие туда требуется двенадцать часов, а тогда потребовалось двенадцать дней. Пришел приказ «правителю» уезда от главного начальства: «Поручается-де г. коллектору, мистеру Джону Сёлливану, исследовать и проверить глупые басни о Голубых горах, а затем и донести о них по начальству».

Немедля коллектор снарядил экспедицию: уже не горсть людей, собранную кое-как межевщиками и тотчас же расстроенную, а такую экспедицию, словно он отправлялся с нею в полярные моря. С ним шла целая армия сипаев, несколько десятков боевых слонов, сотни охотничьих читт¹¹², собак и пони, а в арьергарде следовали дюжины две опытных охотников-англичан. Везли подарки: тоддам оружие, которого они никогда не употребляют, а курумбам – праздничные тюрбаны, которых те отродясь не надевали. Все было как следует. Везли палатки и инструменты, врачей и лекарства, быков на убиение и туземных арестантов для удобрения земли там, где приходится рисковать жизнью и терять людей, взрывая скалы и проводя дороги. Не везли только одного – туземцев-проводников, опять-таки потому что все люди этой профессии снова

¹⁰⁹ Строки из басни И.А.Крылова «Квартет».

¹¹⁰ Сын его, мистер Е.О.Сёлливан*, известен всему Мадрасу. Он уже несколько лет служит одним из четырех членов мадрасского генерал-губернаторского совета и живет почти все время на горах в Нильгири. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Генри Эдвард Салливан (1830–1905) – сын Д.Салливана.

¹¹¹ Эллен Генриетта Морган (1828–1899) – жена Г.Р.Моргана, член Теософского общества.

¹¹² *Читты* – вид гепардов, приученных к охоте за кабанями, медведями и сернами. Они в употреблении в Индии у всех охотников. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

разбежались из деревень. Участь, постигшая двух малабарцев в первой экспедиции, была жива еще в памяти всех. То, что прошло даром «бара саабам», может взыскаться с туземцев, рассуждали запуганные браминами, с одной, а англичанами и их «престижем», с другой стороны, уstraшенные дравиды.

Трое «больших раджей» прислали посольства из Майсура, Вадьяна и Малабара с инструкциями молить коллектора, чтоб он пощадил страну и ее многие народности. «Гнев богов, – говорили они, – иногда бывает сдержан, но когда он разразится, то становится ужасным. Посягательство на священные вершины Тоддабета и Муккартебета должно будет отозваться неслыханными бедствиями для всего края. Семьсот лет тому назад цари Чоллы и Пандии¹¹³, желая завладеть горами, отправились было с двумя армиями воевать с дивами, но не успели они и перейти за туманы, как были задавлены с обеими армиями и всем обозом обрушившимися на них огромными скалами. В тот день пролилось столько крови, что скалы сделались от нее с тех пор ярко-багровыми на протяжении целых миль, и даже земля стала красною...»¹¹⁴

Но коллектор остался непоколебимым. Англичанина умоливать всегда бывает трудно. Он не верит в могущество богов, зато все плохо лежащее всегда должно принадлежать ему – по божественному праву.

Итак, в январе 1819 года караван мистера Селливана тронулся в путь и стал восходить со стороны Денайгонкотты, то есть оставив «смерть посылающий» водопад в стороне. Вот что затем читала недоумевающая публика в *Мадрасском курьере* от 30 января и 23 февраля в перепечатанных этой газетой донесениях коллектора. Сокращаю и даю резюме.

«Имею честь доложить высокопочтеннейшей (*most Honourable*) Ост-Индской компании и их превосходительствам гг. директорам, что вследствие приказания, полученного... (такого-то числа и проч.), я отправился (следует повторение вышесказанного)... в горы. Заручиться проводниками я не успел, ибо под предлогом, что эти горы принадлежат их богам, аборигены объявили мне прямо, что предпочитают тюрьму и смерть путешествию за черту “тумана”. Вследствие сего, снарядив отряд из европейцев и наших сипаев, 2 января 1819 года мы стали подыматься из деревни Денайгонкотты, отстоящей от подножия Нильгирийского “пика” на две мили... Для наглядного понятия о климате на этих горах имею честь представить следующие сравнительные таблицы от первого до последнего дня восхождения».

Таблицы показывали, что тогда как со 2 до 15 января по всему Мадрасскому президентству термометр (по Фаренгейту) показывал во все время от 85° до 106° жары¹¹⁵, на Нильгирийских горах, начиная от 1000 фут[ов]¹¹⁶ над морскую поверхность, ртуть стояла всего на 50 градусах¹¹⁷, спускаясь затем по мере восхождения и показывая на высоте 8076 футов¹¹⁸ всего 32° (то есть до 0° по Реомюру) в самые морозные часы ночи.

Забежав на минуту вперед, мы видим, что теперь, когда Нильгирийские холмы покрыты европейскими плантациями, город Уттакаманд имеет до 12000 постоянных жителей и все приведено в порядок и известность, климат этой прелестной страны есть уже сам по себе невиданное и чудесное явление: в 300 милях от Мадраса и в 11 градусах от экватора от января до декабря температура, невзирая на юго-западный и северо-восточный муссон, вращается постоянно между 15 и 18 градусами разницы в продолжение самых холодных, как и самых жарких месяцев в году от восхода до захода солнечного, в январе, как и в июле, на 1000, как и на 8000 футах высоты. Вот наглядные доказательства этому, взятые из первых наблюдений г. Селливана.

Термометр¹¹⁹ января 2 на 1000 футах высоты:

¹¹³ Chola, Pandyan – древние правящие династии в Южной Индии.

¹¹⁴ Действительно, в некоторых местах, особенно в Уттакаманде, не только скалы, но и земля красные как кровь, но только от присутствия железа и других элементов. Дождь делает из улиц города красно-оранжевые потоки. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹¹⁵ 29–41° С.

¹¹⁶ 305 м.

¹¹⁷ 10° С.

¹¹⁸ 2462 м.

¹¹⁹ По Фаренгейту. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

«В 6 час[ов] утра – 57°¹²⁰; в 8 – 61°¹²¹; в 11 – 62°¹²²; в 2 часа пополудни – 68°¹²³; в 8 час[ов] вечера – 44°¹²⁴».

На 8700¹²⁵ футах высоты тот же термометр показывал 15 января:

«В 6 часов утра – 45°¹²⁶; в полдень до 2 час[ов] – 48°¹²⁷; в 8 часов вечера – 30°¹²⁸; ночью в 2 часа вода слегка замерзла в кувшинах».

И это в январе, заметьте, почти на 9000 футах над морем!

Внизу в долине 23 января термометр стоял уже в 8 часов утра на 85° жары¹²⁹; в полдень – на 99°¹³⁰; в 2 часа пополудни – на 108°¹³¹, а в 8 час[ов] вечера – на 97°¹³²; в 2 часа ночи он показывал – 98°¹³³!

Чтобы не затруднять читателя цифрами, заключаю сведения о нильгирийском климате следующей сравнительной таблицей средней температуры между Уттакамандом, ныне столицей Голубых гор, Лондоном, Бомбеем и Мадрасом:

Лондон – 50°¹³⁴,

Уттакаманд (7300 ф[утов]¹³⁵) – 57°¹³⁶,

Бомбей – 81°¹³⁷,

Мадрас – 85°.

Каждый хиревший и прощавшийся с печенью в Мадрасе спешил на эти благодетельные горы и почти всегда выздоравливал. В первые два года по основании Уттакаманда, то есть с 1827 до 1829 года, из 3000 постоянно поселившихся там жителей и 1313 приезжих временных гостей умерли только двое. В Уттакаманде год за годом смертность никогда не превышала ¼%, и в замечаниях санитарного комитета говорится следующее: «Климат в Нильгири объявлен теперь с достоверностью самым здоровым в Индии. Губительное действие тропического климата не исчезает в нем только в тех случаях, когда у больного неовозвратно разрушен один из главных внутренних органов» (*Records of the Medical Board of Madras*¹³⁸).

Говоря о вековом неведении окружающих Нильгири народов об этой чудной местности, мистер Сёлливан рассуждает о нем в своем донесении так:

«Нильгирийские холмы расстилаются между 76° и 77° восточной долготы и 11° и 12° северной широты. С северной стороны они неприступны вследствие почти перпендикулярных скал. На южной стороне, милях в сорока от океана, они покрыты до сей поры неисследованными, ибо непроходимыми лесами; с запада и востока они замкнуты остроконечными утесами и холмами Кхунда. Не удивительно, стало быть, что в продолжение многих веков они оставались вполне неизвестными остальному миру, а в Индии были ограждены от вторжения своею необычайною, во многих отношениях, своеобразностью.

Взятые вместе, эти две цепи, то есть Нильгирийская и Кхундская, обнимают географическое пространство в 268494 квадратных мили, покрытое сплошь вулканическими скалами, долинами, ущельями и утесами».

---

¹²⁰ 14° С.

¹²¹ 16° С.

¹²² 17° С.

¹²³ 20° С.

¹²⁴ 7° С.

¹²⁵ 2650 м.

¹²⁶ 7° С.

¹²⁷ 9° С.

¹²⁸ –1° С.

¹²⁹ 29° С.

¹³⁰ 37° С.

¹³¹ 42° С.

¹³² 36° С.

¹³³ 37° С.

¹³⁴ 10° С.

¹³⁵ 2225 м.

¹³⁶ 14° С.

¹³⁷ 27° С.

¹³⁸ «Отчеты медицинского совета Мадраса» (англ.).

Вследствие всего этого, уже на высоте 1000 футов экспедиция мистера Селливана увидела себя вынужденною оставить слонов и бросить почти весь багаж, так как приходилось продвигаться все выше и выше, перелезая через скалы посредством веревок и блоков. В первый день погибли три человека, на второй – семь человек арестантов. Сопровождавшие Селливана Киндерзлей и Уиш не оказали ему ни малейшей помощи. Дорога, по которой их провели так легко на возвратном пути баддаги, исчезла навеки, как будто следы ее были замечены каким-то волшебством: ее не нашли еще и до сей поры, хотя искали ее долго и тщательно. На все вопросы баддаги притворялись непонимающими. Очевидно, аборигены не имеют намерения выдавать англичанам *всех* своих тайн.

По одолении главного препятствия, то есть отвесных утесов и скал, окружающих Нильгирийскую гору словно сплошною Китайскою стеной, и после потери человек 15 арестантов да двух сипаев, хотя партии предстояли еще большие затруднения, но она нашла себе скоро и награду. Подымаясь шаг за шагом, то вырубая выемки в скалах для ноги, то опускаясь снова на сотни футов на веревках в глубокие бездны, на шестой день путешествия англичане очутились, наконец, на довольно ровном месте. Здесь в лице коллектора Великобритании «объявила Голубые горы королевскою территорией». «По водружении на высокой скале английского флага, – игриво замечает мистер Селливан, – нильгирийские боги сделались подданными его великобританского величества».

С этого часа экспедиция стала встречать следы человеческого жилья. Она увидела себя в «стране волшебной, величественной красоты», но через несколько часов «эта картина вдруг чудодейно исчезла: мы снова попали в туман. Незаметно подкравшись, облако окутало нас со всех сторон, хотя мы давно, как думали Уиш и Киндерзлей, перешли за черту “вечного тумана”».

В те годы Мадрасское метеорологическое отделение обсерватории не успело еще решить характера этого странного явления и приписать оное, как теперь, его настоящим причинам¹³⁹. Поэтому и мистер Селливан мог только, удивляясь, констатировать феномен, описав, как он тогда проявился. «В продолжение целого часа, – пишет он, – мы чувствовали себя *осязательно* среди окружающего нас теплого, *мягкого*, как *пух*, тумана, что доказывали наши насквозь промокшие платья. На расстоянии полушага люди стали друг у друга пропадать на глазах, до того облако было густо, а затем люди, как и части окружающей нас панорамы, начали быстро прыгать пред нами, то появляясь, то снова исчезая в этой мокрой и словно освещенной бенгальским огнем голубоватой атмосфере»...

Местами, вследствие затруднительного медленного подъема, «пар делался до того невыносимо горячим», что некоторые из европейцев «чуть было не задохлись».

К сожалению, ни натуралисты, ни физики высокопочтенной Компании, сопровождавшие мистера Селливана, не могли или не успели исследовать этого явления. Не далее как через год после того было уже поздно изучать его: как только большая часть утесов, которые когда-то опоясывали «холмы», стали исчезать один за другим, взрывающиеся для прокладки дорог в Нильгири, исчезло бесследно и самое явление¹⁴⁰. Пропал голубой пояс Нильгири. Теперь туман является гораздо реже и только во время муссунов. Зато самые горы сделались еще синее издали, еще более яркого лазоревого цвета...

Первые донесения коллектора полны хвалений и удивления природному богатству и изобилию этой чудной страны. «Где только мы ни проходили, почва оказывалась всюду превосходною. Мы узнали от баддагов, что она дает по два урожая в год пшеницы, ячменя, гороха,

---

¹³⁹ Во время муссуновых дождей, особенно юго-западного муссуна, атмосфера постоянно более или менее наполнена густыми испарениями. Туман, формируясь сперва на вершинах, по мере того как жара дня уступает вечерней сырости и пары опускаются ниже, расстилается по всем скалам подножия. К этому следует прибавить постоянные болотные испарения из лесов, где древесная чаща сохраняет почву влажною круглый год и где болота и пруды никогда не высыхают, как то бывает в долинах. Вследствие этого Нильгирийские горы, опоясанные рядом выступающих вперед утесов с далеко нависшими скалами, удерживают большую часть года пары, которые затем и превращаются в туман. За чертой их атмосфера в горах всегда чрезвычайно чиста и прозрачна: туманы бывают видны только снизу и с больших высот их и не видно. Но все-таки мадрасские ученые не могут решить до сей поры проблему необычайно яркого голубого цвета как туманов, так и самих гор. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁴⁰ А дорога до сих пор, то есть конная, только одна, Силурская из Метополама; все другие опасны, и по ним могут проходить только пешие и привычные кули да их маленькие пони. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

опиума, горчицы, чеснока и других разных злаков. Невзирая на мороз январских ночей, мы нашли мак в полном цвете. По-видимому, мороз не оказывает в этом климате никакого действия на растительность... Во всех долинах и ущельях мы находили превосходную воду. На каждой четверти мили непременно встречался горный ручей, который нам приходилось часто с опасностью переходить вброд. Многие из источников сильно пропитаны железом, температура некоторых превышала намного температуру воздуха... Куры и домашняя птица, найденная у оседлых баддагов, вдвое больше самых крупных пород той же птицы в Англии, а наши охотники нашли, что нильгирийская дичь, особенно фазаны, куропатки и зайцы – последние совершенно *красного* цвета, – тоже гораздо крупнее этой дичи в Европе. Волки и шакалы встречались нам целыми стаями... Также попадались тигры, очевидно, еще не знакомые с ружьем, и несколько пар слонов. Последние, посмотрев на нашу компанию, отвертывались довольно равнодушно и уходили в лес, не торопясь и как бы в полном неведении о возможной опасности... Южная сторона гор, покрытая на 5000 футов своей высоты тропическими, вполне девственными лесами, изобилует слонами особенного, почти черного цвета и величиной выше цейлонских слонов. Змей много и весьма красивых; в местностях, превышающих 3000 футов¹⁴¹, они совсем безвредны (как это теперь доказано). Обезьян тоже несчетное число и на всех высотах».

Да будет замечено к слову, что англичане безжалостно с тех пор их истребляют¹⁴². Бедные наши горемычные «прародители»! И каких только нет в Нильгири обезьян: от больших черных с серыми пушистыми капюшонами «лангуров», *Presbytis jubatus*, до «льва-обезьяны», *Inuus silenus*. Лангуры живут на вершинах самых высоких скал в глубоких трещинах отдельными семействами как настоящие «пещерные первобытные люди». Красота их меха служит предлогом к жестокому избиению европейцами этого кроткого и чрезвычайно умного животного. «Львы-обезьяны» счастливее. Они избегли такой горькой участи, выбрав себе местом жилья такие тущобы, куда еще не заходила нога человека. «Льва-обезьяну» можно встретить только на опушке леса на южной стороне Голубых гор, куда они выходят иногда погреться на солнце. Завидя человека, они тотчас же спасаются в непроходимые чащи малабарских лесов. Голова у этой обезьяны совершенно львиная с бело-желтою гривой и пучком таких же волос на кончике хвоста, откуда и название их.

В этом описании флоры и фауны «холмов» я, конечно, придерживаюсь не одних показаний и исследований Селливана во время его первого восхождения. В те дни он знал еще очень мало и описывал лишь то, что встречал по дороге, вследствие чего я и дополняю его показания позднейшими открытиями.

Наконец, они напали на след настоящих обитателей и владетелей Нильгирийских гор, тоддов и курумбов. Чтобы не возвращаться опять к предмету, скажем тотчас же, что тогда как, по позднейшим сведениям, баддаги, живущие с тоддами уже около семисот лет, являлись иногда им одним известными дорогами в полянах Куимбатура, где живут их сродники, другие баддаги, – тодды и курумбы оставались совершенно неизвестны туземцам. Они и теперь, когда давно уже установилось правильное и ежедневное сообщение между Уттакамандом и Мадрасом, никогда не сходят со своих гор. Долго не знали, чему приписать такое неестественное молчание баддагов о существовании двух живущих вместе рас. Теперь решили и, как кажется, весьма справедливо, что тайна объясняется лишь одним: суеверием, начало и причина которого, впрочем, все еще остаются европейцу необъяснимыми, а для каждого туземца весьма понятны. Не говорили баддаги о тоддах потому, что для них тодды – боги, неземные существа, которых они боготворят, а произносить имена своих *фамильных*, раз избранных божеств¹⁴³ считается у индусов за величайшее им оскорбление, за кощунство, на которое не решится ни один туземец, даже под угрозой смерти. А курумбов они ненавидят, страшась их столько же, сколько обожают тоддов. Одно уже хотя бы

---

¹⁴¹ 910 м.

¹⁴² Туземный шикари, если он не магометанин, ни за что не убьет обезьяну; она для него священна всюду в Индии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁴³ Каждое семейство индусов, хотя и принадлежащее к одной секте и одной касте с прочими, выбирает себе свое особенное, именно *фамильное* божество из 33 миллионов национального пантеона, и об этом божестве, хотя оно всем бывает известно, члены семьи никогда не упоминают, считая каждое произнесенное о нем слово *профанацией*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

тихо произнесенное имя «курумб» навлекает, по их мнению, несчастье на того, кто его произносит.

Поднявшись на высоту 7000 футов и выйдя на волнообразную широкую поляну, партия изыскателей нашла группу зданий у подножия скалы, которые Киндерзлей и Уиш тотчас же признали за уже виденные ими дома тоддов. Каменные домики без окон и дверей с их пирамидальными крышами были им слишком памятны, чтоб они могли их забыть. Заглянув в единственное отверстие, служащее в таких домах вместе окном и дверью, они нашли жилища пустыми, хотя, видимо, обитаемыми. Далее, мили за две от этой первой «деревни», они увидели:

«...Картину, достойную кисти художника и перед которою мы остановились в неописуемом изумлении, а сопровождавшие нас сипаи-туземцы – в великом и суеверном страхе, – докладывает коллектор. – Пред нашими глазами открывалась сцена из быта древних патриархов. На разных пунктах пространной, обрамленной кругом высокими утесами долины паслось несколько стад огромных буйволов с колокольчиками и серебрянными бубенчиками на рогах... А далее группа длинноволосых с седыми бородами почтенного вида старцев, укутанных в белые мантии»...

То были, как они узнали позднее, старшины поджидавших их тоддов и священные буйволы *туэля* (ограды храма) этого племени. Вокруг них полулежали, сидели, ходили и стояли «в позах, живописнее коих ничего нельзя себе вообразить», человек семьдесят или восемьдесят мужчин с непокрытыми головами. При одном взгляде на таких «красивых, рослых Голиафов» первая мелькнувшая в голове почтенного англичанина и патриота мысль была о возможности «сформировать особенный полк из этих молодцев и, послав в Лондон, подарить его королю!». Позже он сам увидел непрактичность такой мысли, но в первые дни тодды поразили его и «совершенно заполонили своею замечательною, совсем не индийского типа красотой». Шагах в двухстах от мужчин сидели их женщины с длинными, гладко причесанными и распущенными по спине волосами и в таких же мантиях. Он насчитал их около пятнадцати и с ними с полдюжины ребятишек, совершенно нагих, невзирая на январский холод.

В другом описании гор¹⁴⁴ товарищ Сёлливана, полковник Хеннесей, распространяется на десяти страницах о разнице между тоддами и другими индусами, с которыми в неведении их языка и обрядов долго их смешивали.

«Как англичанин разнится от китайца, так тодд отличен во всем от других туземцев, – пишет он. – Теперь, когда я узнал их лучше, мне становится почти понятным, почему баддаги, сродников коих мы знавали и прежде в горах Майсура, взирают на этих людей как на высшую, почти божественную расу... Тодды положительно похожи на богов, как их представляли древние греки. Из нескольких сот молодцов (*fine men*) этого племени я еще не видал ни одного ниже 6¼ футов¹⁴⁵ роста. Они сложены великолепно, и черты лица у них чисто классические... Прибавьте черные, блестящие, густые волосы, обрезанные (в кружок) низко на лбу над бровями, а за ушами падающие на спину тяжелыми массаами кудрей, и вы получите некоторое представление об их красоте. Усы и бороды их, которые они никогда не стригут, такого же цвета. Большие карие, иногда темно-серые и даже синие глаза смотрят на вас глубоким, нежным, почти женским взглядом... Улыбка кроткая и веселая, как бы младенческая в своем выражении. Рот, даже у дряхлых стариков, украшен крепкими, белыми, часто великолепными зубами. Цвет лица светлее северных канарезцев¹⁴⁶. Одеваются они все одинаково: род римской белой тоги из полотна с одним концом, закинутым сперва под правую руку, а затем назад за левое плечо. В руках посох с фантастическими на нем вырезками... Когда я узнал его мистическое назначение и веру владельцев в его магическую силу, этот маленький, в два с половиной фута¹⁴⁷ длины бамбук смущал меня не раз... Но я не смею, *не имею права*, выдав неоднократно *то, что я видел*, отрицать справедливость такого их заявления и веры. Несмотря на то, что в глазах христианина вера в магию должна всегда казаться греховною, не чувствую за собою права опровергать и смеяться над тем, что считаю, невзирая на отвращение, истинным фактом»¹⁴⁸.

¹⁴⁴ *The Tribes of the Neilgherry Hills*. – Примечание Е.П.Блаватской.

¹⁴⁵ 1,91 м.

¹⁴⁶ Каннара (каннада, самоназвание – каннадига) – народ в Южной Индии.

¹⁴⁷ 0,76 м.

¹⁴⁸ *Id.*, стр. 272. – Примечание Е.П.Блаватской.

Но не станем забегать вперед. Эти слова написаны много лет назад. Как Селливан, так и Хеннесей видели тогда тоддов впервые и упоминали о них официально. Но даже в этом чиновничьем изложении фактов звучит недоумение, проглядывает то же сдержанное удивление и любопытство касательно этого таинственного племени, как и у всех других.

Поселение тода
(фотография из книги:
Marshall W.E. Travels Amongst the Todas. London, 1873)

«Кто они такие?.. – рассуждает Селливан в донесении. – Хотя они видели белых людей во второй уже раз, но все-таки их величавое спокойствие и горделивая осанка смуглили меня, так мало они походили на то, что мы привыкли видеть в подобострастных манерах туземцев Индии. Они как будто поджидали нашего прихода. Отделясь от толпы, высокий старик пошел нам навстречу, а за ним шли двое других, неся в руках чаши из древесной коры, наполненные молоком. Подойдя на несколько шагов, они остановились и заговорили с нами на совершенно незнакомом нам языке. Видя, что мы не поняли ни одного слова, они тотчас же переменяли его на малайялимский, а потом на канарезский язык (на котором говорят баддаги)¹⁴⁹, после чего мы разговорились свободнее.

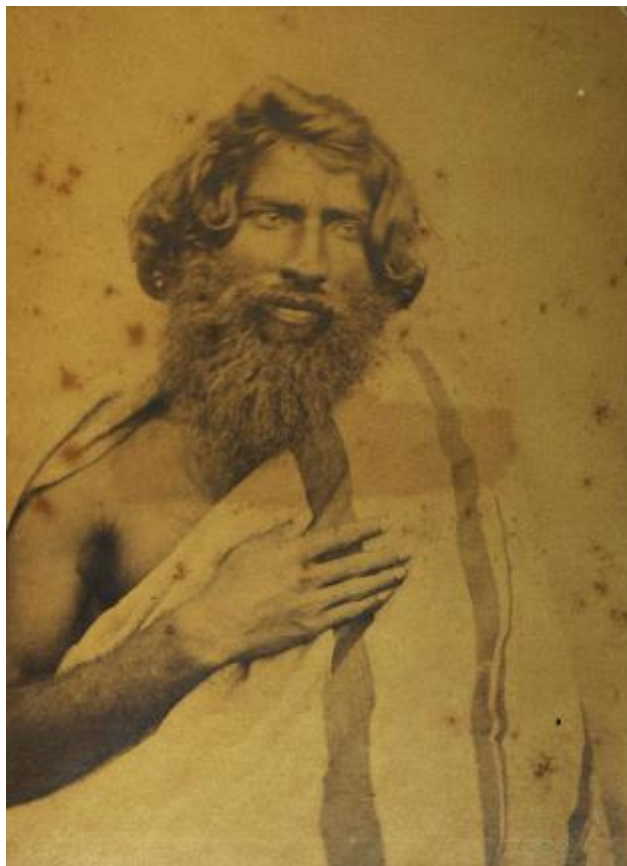
Для этих странных аборигенов мы были людьми как бы с другой планеты. “Вы не из наших гор. Наше солнце – не ваше солнце, и наши буйволы вам неизвестны”, – говорили мне старики. “Вы родитесь, как рождаются баддаги, а не мы” (!?), – заметил другой, несказанно удивив меня этим. Из их слов нам делалось ясно, что для них мы были обитателями земли, о которой они кое-что знали, хотя до сей поры никогда не видали ни ее самой, ни ее жителей, но что самих себя они считали совсем особенною породой».

Когда они все уселись на густой траве возле стариков, а прочие тодды стояли в отдалении, англичанам было объявлено, что их ожидали уже несколько дней. Баддаги, служившие до того времени тоддам единственным звеном сообщения между ними и остальным миром, то есть Индией, успели уже их предупредить, что белые раджи, проведая от двух спасенных ими охотников об «обители буйволов», идут к ним в горы. Они тогда же сообщили мистеру Селливану, что у них много уже поколений существовало пророчество о том, что к ним придут люди из-за

¹⁴⁹ Кáннада – дравидийский язык, распространенный в юго-западной Индии, преимущественно в штате Карнатака. Родной язык представителей народа каннара и официальный язык индийского штата Карнатака («Страна каннада», бывший Майсур).

морей и поселятся у них, как до того поселились баддаги. Что им придется уступить часть владений и «жить с ними как братьям одной семьей». «Такова воля их, – добавил один из старцев, указывая на буйволов, – они лучше знают, что для их детей хорошо, а что дурно».

На это мистер Селливан замечает: «В то время мы не поняли этой загадочной фразы о буйволах, и только впоследствии узнали ее смысл. А смысл хотя и странный, но далеко не новый нам в Индии, где на корову взирают как на существо священное и неприкосновенное».

Мужчина тода
(фотография из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

В тоддах, невзирая на их собственные предания, которых они упорно держатся, английские этнологи желали бы признать остатки «некоего гордого племени», ни имя, ни другие приметы коего им, впрочем, неизвестны. На таком твердом основании они строят свою гипотезу, которая состоит в том, что это *гордое* племя, *вероятно*, занимало некогда (а именно когда – неизвестно) надречные низменности Деккана; пасло свои священные стада буйволов (которые, между прочим, никогда не считались священными в Индии) задолго до эпохи, в которую их последующие соперницы, коровы, монополизировали¹⁵⁰ народное благоговение. Затем предполагается, что то же *гордое* племя «свирепо отражало и задерживало вторжение приходивших постоянно из-за северных гор (то есть Гималаев) арийских племен», или макс-мюллеровских¹⁵¹ браманов «с Оксуса¹⁵²».

Эта милая и на первый взгляд правдоподобная гипотеза опять-таки разлетается на куски пред известным фактом, что тодды, хотя и действительно «гордое племя», но не только сами никакого оружия не носят, а даже не сохранили о нем ни малейшего воспоминания. А если, как

¹⁵⁰ монополизировали (*англ.* monopolize).

¹⁵¹ Фридрих Максимилиан Мюллер (1823–1900) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

¹⁵² Оксус – древнее название реки Амударья.

сказано, они не держат при себе ни ножа в защиту от диких зверей, ни даже собаки для ночной охраны, то, видно, у них есть другие способы к отражению врага, кроме *вооруженной* силы¹⁵³.

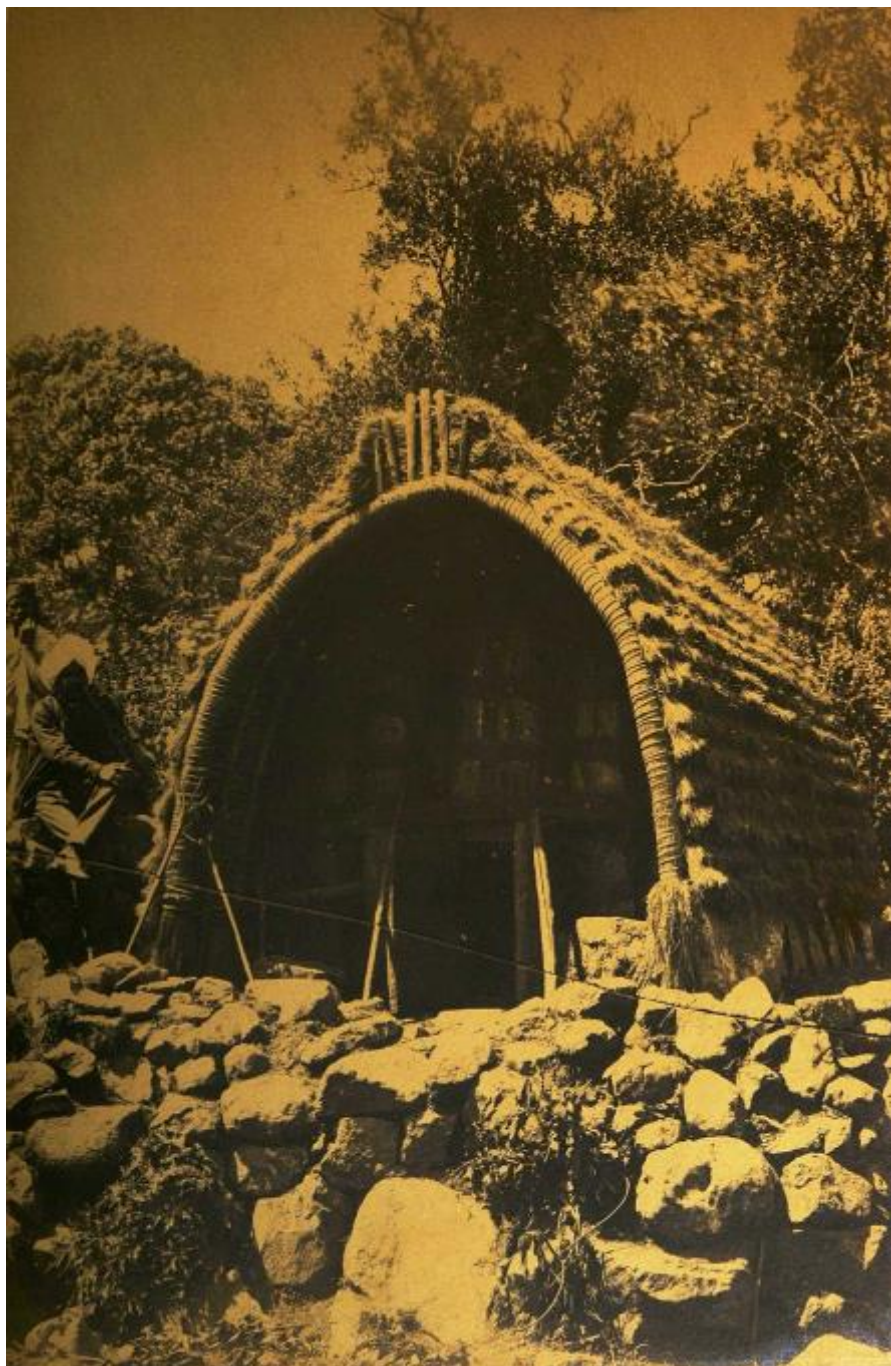
Мужчины и женщина тода
(фотография из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

По мнению мистера Сёлливана, тодды совершенно законно предъявляют права на Голубые горы как на свою вековую собственность. Они заявляют, а проживающие возле них столетиями соседи подтверждают это право давности собственным сознанием. Они показывают единодушно, что тодды владели уже горами, когда пришли самые ранние поселенцы других племен, именно муллу-курумбы, за ними баддаги и за баддагами кхотты и эруллары. Что все эти племена просили и получали от тоддов, которые прежде жили одни, позволение селиться на горах. За это дозволение все четыре племени всегда платили тоддам дань не деньгами, потому что до прихода англичан деньги были неизвестны на горах, но натурой; несколько горстей зерен с каждого обрабатываемого поля от баддагов; несколько штук железных изделий, необходимых для постройки домов и домашнего обихода, от кхоттов; коренья, ягоды и плоды от курумбов, и т.д.

¹⁵³ Id., см. главу IV. – Примечание Е.П.Блаватской.

Все эти пять рас во всем весьма резко отличаются одна от другой, как мы это тотчас увидим ниже. Их языки, религии, обычаи, так же как и типы, не имеют ничего общего. По всем вероятностям, все эти племена – последние остатки доисторических рас аборигенов Южной Индии, но если кое-что и было узнано о баддагах, кхоттах, курумбах и эрулларах, то на тоддах история завязла как на мели. Судя по древним могилам на «холме» да некоторым развалинам храмов и капищ, не только тодды, но и курумбы, должно быть, достигли в доисторические времена некоторой цивилизации: у тоддов есть положительно нечто вроде письмен, какие-то знаки вроде гвоздеобразных записей у древних персов.

Жилище тода

(фотография из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

Но чем бы тодды ни были в далеком прошлом, теперь они совсем патриархальный народ, вся жизнь коего сосредоточена на его священных буйволах.

Из этого многие писавшие о тоддах заключили, что они поклоняются буйволам как богам, то есть проповедуют зоолатрию. Но это не так. Сколько нам известно, их религия имеет характер гораздо более возвышенный, нежели простое и грубое поклонение животным.

Второе и последующие донесения мистера Сёлливана еще интереснее. Но так как я привожу слова почтенного английского чиновника только ради подтверждения собственных наблюдений и показаний, то здесь не место повторять эти донесения. Позволяю себе только представить еще несколько дополнительных статистических замечаний как его самого, так и других чиновников о пяти племенах Нильгири.

Вот сжатое показание из статистического сочинения о них полковника Торнтона¹⁵⁴.

«1) Первыми на скатах гор за чертой водопада встречаются *эруллары*». Они живут в настоящих земляных норах и питаются кореньями. Теперь, с приходом англичан, они стали менее дики. Они живут группами от трех до четырех семейств, и их насчитывают около тысячи душ.

«2) Над ними живут *курумбы*». Эти разделяются на две ветви: а) просто курумбы, живущие в землянках, которые образуют деревушки, и б) муллу-курумбы, отвратительного вида и необычайно малого роста люди, которые живут в настоящих гнездах на деревьях и похожи более на больших обезьян, нежели на человеческие существа.

Примечание. Хотя и в других городах Индии есть племена, схожие в общих чертах и даже носящие то же название, но они резко отличаются во всем от этих двух племен, особенно от курумбов, страшилищ и злых гениев, избегаемых всеми другими племенами, кроме тоддов, царей и властителей на Голубых горах.

Как хорошо известно, *курумбан* – тамильское слово, означающее «карлик», но в то время как курумбы низменностей – просто очень маленькие аборигены, нильгирийские курумбы часто не превышают трех футов¹⁵⁵ ростом. Оба эти племени не имеют и понятия о необходимых и самых элементарных потребностях жизни и почти не вышли из состояния самых грубых дикарей, *выказывая признаки самой первобытной расы человечества*. Они говорят на языке, более напоминающем щебетание птиц и горловые звуки обезьян, нежели людской говор, хотя у них изредка и встречаются слова из многих древних диалектов дравидской Индии. Численность эрулларов и курумбов не превышает тысячи в каждом племени.

«3) *Кхотты*. Еще более странная раса. Они не имеют понятия о различии каст и отличаются столько же от других горных племен, как и от туземцев Индии». Столь же дикие и первобытные, как эруллары и курумбы, живя, как кроты, в земляных норах и на деревьях, они – странное дело – оказываются превосходными золотых и серебряных дел мастерами, кузнецами и горшечниками. Они обладают секретом выделки стали и железа; их ножи, как и другое оружие, упругостью, отточкой и своею почти несокрушимою крепостью превосходят все когда-либо фабрикованное в Азии или в Европе. Кхотт не употребляет [ничего] другого, кроме остро отточенного с обеих сторон длинного, как вертел, оружия. Но с ним он идет и на кабана, и на тигра, и даже на слона и всегда берет верх над зверем¹⁵⁶. Кхотты не выдают своей тайны ни за какие деньги. Ни одно из племен в горах не занимается таким мастерством. Где они могли познакомиться с ним – это еще одна из загадок для наших этнологов. Религия их не имеет ничего общего с религиями других аборигенов. Кхотты не имеют понятия о богах браминов и поклоняются каким-то фантастическим божествам, которые у них не изображаются. Число кхоттов, насколько мы могли привести в известность, не превышает 2500.

«4) *Баддаги* или “бюргеры”. Самое многочисленное, богатое и цивилизованное из всех пяти горных племен Нильгири. Они браминисты и разделяются на несколько кланов. Их около 10000 и

---

¹⁵⁴ Эдвард Торнтон (1799–1875) – сотрудник Ост-Индской компании (1814–1857), глава статистического департамента (1846–1857) и морского министерства (1847–1857), пионер в сборе и публикации статистических сведений, касающихся Индии.

¹⁵⁵ 0,91 м.

¹⁵⁶ Теперь, когда уже давно узнали, что кхотты обладают таким секретом, все стараются заказывать у них ножи и дают оттачивать оружие. Простой с грубым клинком нож, сделанный кхоттом, оплачивается в несколько раз дороже самого лучшего шеффилдского* ножа. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Шеффилд – город в Англии, в течение XIX в. получил международную известность своим сталелитейным производством, в том числе нержавеющей стали.

почти все они занимаются земледелием». Баддаги почему-то поклоняются и оказывают божественные почести тоддам; последние стоят для баддагов несравненно выше их бога Шивы.

«5) *Тодды*, называемые также тоддуварам. Эти разделяются на два больших класса. Первый из них, класс священнодействующих, известен под названием *тералли*; принадлежащие к нему тодды посвящены служению буйволам, приговорены к вечному безбрачию и совершают какие-то непонятные обряды, которые они весьма тщательно скрывают от европейцев и даже от всех не принадлежащих к их племени туземцев. Второй класс – *кутты*, простые смертные»¹⁵⁷. Насколько нам известно, первые составляют аристократию племени. В этом небольшом племени мы насчитали 700 человек, и, судя по их показанию, их численность никогда не превышала этой цифры.

Дабы показать, что сюжет этой были вполне достоин внимания, добавим к показанию мистера Селливана мнение авторов книги, изданной в 1853 году по приказанию Ост-Индской компании: *The States in India*¹⁵⁸, статья о Нильгири. Там говорится о тоддах следующее:

«Это крошечное племя привлекло за последние годы весьма восторженное и серьезное внимание не только посетителей Нильгири, но и лондонских этнологов. Интерес, возбуждаемый тоддами, очень замечателен. Они заслужили необыкновенные (*in no ordinary degree*) симпатии мадрасских властей. Этим дикарей описывают как великолепно сложенную атлетическую расу великанов, найденных самым неожиданным образом в недрах Гхат. Манеры их полны грации и достоинства, а наружность можно характеризовать так...»

За этим следует уже известное описание наружности тоддов. Параграф о тоддах кончается фактом, на который я нарочно назираю ввиду его многозначительности и прямого отношения к разъяснению событий, коих мы были очевидцами, и опять-таки сознанием полного неведения их истории и происхождения.

«Тодды не употребляют никакого оружия, кроме короткой тросточки из бамбука, которая никогда не покидает их правой руки. Старания многих лет узнать что-нибудь об их прошлом, о языке и религии остались вполне безуспешными. Это самое таинственное племя из всех народов Индии» (стр. 692)¹⁵⁹.

Мистер Селливан оказался весьма скоро вполне поработанным «нильгирийскими Адонисами»¹⁶⁰, как их прозвали ранние поселенцы и плантаторы на Голубых горах. То был первый, быть может, единственный в Англо-Индии пример, чтоб английский чиновник, *бара сааб* высшей расы, так открыто *брался*, вступал бы в такие интимные, дружеские сношения с подвластными ему аборигенами, как то делал куимбатурской коллектор. В награду за подарок Компании еще лишнего куска территории в Индии его тотчас же повысили в чин «главноуправляющего» Голубыми горами. Там мистер Селливан прожил около тридцати лет, там он и умер¹⁶¹.

Что же его привлекало к этим людям? Что могло быть, в самом деле, общего между цивилизованным европейцем и совершенно примитивными людьми, как тодды? На этот вопрос, как и на многие другие, нам никто еще не мог ответить. Не потому ли, что все неизвестное, таинственное привлекает нас, как пустое пространство, и, производя головокружение, притягивает к себе, подобно бездне? С практической точки зрения, конечно, тодды не более как дикари, совершенно незнакомые с первыми основными правилами цивилизации, и даже на вид, невзирая на их физическую красоту, довольно грязные. Но дело не в наружной их оболочке, а во внутреннем, духовном мире этого народа. Во-первых, тодды *совершенно незнакомы с ложью*. На их языке не имеется даже таких слов, как «неправда» или «ложь». Воровство или даже простое

---

¹⁵⁷ Neilgherries // Thornton E. A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 692 (Нильгири // Торнтон Э. Географический справочник территорий, находящихся под управлением Ост-Индской компании, и коренных штатов на индийском континенте. Лондон, 1862. С. 692).

¹⁵⁸ «Государства в Индии» (англ.).

¹⁵⁹ Neilgherries // Thornton E. A Gazetteer of the Territories Under the Government of the East-India Company, and of the Native States on the Continent of India. London, 1862. P. 692.

¹⁶⁰ Адонис – древнегреческий бог красоты и желанья, весеннее божество возрождающейся природы, ежегодно умирающий и воскресающий.

¹⁶¹ Д.Салливан в 1841 г. вышел на пенсию и уехал в Англию, где и умер.

присваивание не принадлежащего им также им неизвестны. Достаточно прочесть то, что о них говорит капитан Гаркнесс в книге своей, озаглавленной *A Singular Aboriginal Race* («Странное племя аборигенов»), дабы убедиться в том, что такие редкие качества не суть продукт единственно нашей цивилизации. Вот что пишет о них этот известный путешественник¹⁶²:

«...Прожив около двенадцати лет в Уттакаманде, говорю положительно, что никогда не встречал народа как в цивилизованных, так и в первобытных странах, который выказывал бы такое религиозное уважение к праву *meum et tuum*¹⁶³, как тодды. Они внушают это чувство детям с самого нежного возраста. Мы (англичане) не нашли между ними ни одного вора! Обман и ложь им неизвестны, кажутся невозможными» (стр. 18 до 36)... А далее: «Как и у туземцев низменной страны Южной Индии, ложь во мнении этого племени – самый подлый, непростительный порок. Фактическим доказательством этому врожденному в них чувству является на высоте Тоддабетского пика их *единственный* храм: он посвящен ими отрешенному божеству, *Истине* (*Temple of Truth*). Тогда как среди жителей долин как самый символ, так и самое божество слишком часто забываются, тодды поклоняются обоим, питая к идее и символу в теории, как и на практике, самое искреннее ненарушимое чувство уважения» (стр. 31)¹⁶⁴. Вот именно такая нравственная чистота тоддов и их редкие душевные качества привлекли к себе не только мистера Сёлливана, но и многих миссионеров. Надо принять во внимание значение такой похвалы в устах людей, не привыкших отзываться с особенною похвалой о тех, на кого сами они не производят никакого впечатления¹⁶⁵. А на тоддов прибытие миссионеров, да и вообще англичан, с первого до последнего дня произвело не более впечатления, как если бы вместо живых людей эти дикари были каменными статуями. Мы знавали миссионеров и даже одного епископа, которые не утрастились ставить нравственность тоддов в пример своей «высокорожденной» пастве публично в церквах по воскресеньям.

Но в них, действительно, есть нечто еще более привлекательное если не для публики вообще и статистиков в частности, то для тех, которые посвятили себя всецело изучению более отвлеченной стороны человеческой природы: именно таинственность, чувствуемая всеми в соприкосновении с тоддами, и та психическая сила, о которой было упомянуто в первой главе. Об обеих мы имеем сказать многое.

Коллектор, проведя в горах дней десять, вернулся в Куимбатур, а оттуда отправился в Мадрас, дабы отдать лично полный отчет главной конторе Компании о своем путешествии на Голубые горы. Исполнив эту обязанность, Сёлливан вернулся немедленно в привлекающие его горы и к сильно уже интересовавшим его тоддам. Там он первым построил себе европейский дом, *каждый камень которого был ему принесен тоддами*.

«Откуда они доставали эти большие, хорошо обтесанные камни, так и осталось до сей поры загадкой», – рассказывал генерал Морган.

С первого дня коллектор сделался другом-покровителем и защитником тоддов, и в продолжение тридцати лет он стоял за них горой, ограждая их самих и их интересы от алчности и несправедливых захватов Ост-Индской компании. Он не говорил о них в официальных бумагах иначе, как о «законных владельцах почвы» (*the legal lords of the soil*), и заставил «почтенных отцов» считаться с тоддами. В продолжение многих лет Компания платила им аренду за уступленные ими леса и поляны. Все время, пока мистер Сёлливан был жив, никому не позволялось обижать и делать захватов на землях, которые тодды заранее указали англичанам как на свои священные пастбища, оговорив их в контрактах.

Эффект донесения мистера Сёлливана в Мадрасе был громадным. Все, что только жаловалось на климат, все, что страдало печенью, лихорадкой и другими болезнями, так щедро

---

¹⁶² *A Singular Aboriginal Race*, by Captain * Harkness, стр. 37. – Примечание Е.П.Блаватской.

* капитан (англ.).

¹⁶³ моя собственность и твоя собственность; моё и твоё (англ.).

¹⁶⁴ *Harkness H. A Description of a Singular Aboriginal Race Inhabiting the Summit of the Neilgherry Hills or Blue Mointains. London, 1832. P. 17–18 (Харкнесс Г. Описание странного племени аборигенов, обитающего на вершине холмов Нилгири или Голубых гор. Лондон, 1832. С. 17–18).*

¹⁶⁵ До сих пор, то есть до 1883 года, невзирая на все усилия миссий, не было ни одного примера обращения тодда в христианство. – Примечание Е.П.Блаватской.

расточаемыми европейцам тропиками, да имело средства на переезд, – все это бросилось по направлению к Куимбатуру. Из несчастной деревушки Куимбатур сделался в несколько лет уездным городом. Установилось тотчас регулярное сообщение между Метополомом, у подошвы Нильгири, и Уттакамандом¹⁶⁶, городком, основанным в 1822 году на высоте 7500 футов¹⁶⁷. Вскоре стала переезжать туда с марта до ноября вся мадрасская бюрократия. Вилла за виллою, дома за домами стали вырастать на цветущих скатах гор, как грибы после весеннего дождика. По смерти мистера Сёлливана плантаторы завладели почти всю местностью между Коттагири¹⁶⁸ и Утти. Пользуясь тем, что «владельцы гор» выговорили себе самые высокие места на Нильгири для пастбищ «священных» буйволов, англичане присвоили себе девять десятых Голубых гор. Миссионеры воспользовались случаем, чтоб осмеять туземцев и их суеверие в богов и горных гениев. Все оказалось напрасным. Баддаги продолжали держаться своих особенных взглядов на тоддов, хотя скоро тем пришлось довольствоваться голыми верхушками скал, которые они теперь разделяют с лангурами. «Отцы» Компании, а после них и правительственные бюрократы, хотя и продолжали на бумаге величать тоддов «законными властелинами почвы», на деле же и под шумок стали заявлять себя, как и всегда, «лордами над баронами»¹⁶⁹.

На курумбов пока не обращали внимания. С первого появления англичан курумбы, словно они были действительно тем, чем казались, отвратительного вида гномами, точно исчезли под землей. О них не слыхали и их не видали в первые годы по открытии. Потом они стали мало-помалу показываться и селиться в болотах и под сырыми нависшими скалами. Однако вскоре они дали о себе знать... Каким образом, это будет рассказано в дальнейших главах; теперь же займемся сперва тоддами и баддагами.

Когда стали приводить в известность и порядок новое *хозяйство* и собирать сведения для статистики новых племен, почтенные этнологи нашли отпор, какого никогда не ожидали. Им встретились по вопросу о происхождении тоддов непреодолимые затруднения и пришлось почти впервые сознаться, что после двадцатилетних усилий узнать что-либо о них верное так же невозможно, как и причислить их к какому-либо из других племен Индии. «Легче проникнуть на Северный полюс, нежели в душу тодда», – пишет миссионер Метц. На что полковник Хенесей отвечает: «Единственное сведение, которого мы могли после стольких лет добиться, состоит в следующем: тодды утверждают, что с тех самых пор, как “Царь Востока” (?) даровал им эти горы, они живут на них и ни разу не отлучались и даже не сходили с вершин. Но к какому именно периоду мы должны причислить эпоху этого неизвестного Царя Востока? Нам отвечают, что они живут на Голубых горах вот уже *сто девяносто седьмое поколение!* Считая по три поколения на каждое столетие (хотя мы видим, что тодды замечательно долговечны), окажется, если верить им, что они поселились здесь около 7000 лет тому назад. Они настаивают, что их праотцы пришли на остров Ланку (в этом, как и в прочих именах ошибки нет, это очевидно) с востока, со “стороны восходящего солнца”, и служили *праотцам царя Раваны*¹⁷⁰, мифического царя-демона, побежденного не менее мифическим Рамой около двадцати пяти поколений тому назад; значит, считая по принятому исчислению, около 1000 лет, что, если прибавить эту цифру к первой, составляет им родословную более 8000 лет! Оказывается, что мы или должны принять эту сказку, или же откровенно сознаться, что кроме этих не имеется никаких следов об их загадочном прошлом!...»¹⁷¹

Так кто же такие, наконец, эти люди?

Задача, конечно, трудная, если вспомнить, что этот вопрос не подвинулся ни на шаг вперед с 1822 года. До сего дня старания многих наезжающих из Лондона и Парижа в разные времена

¹⁶⁶ Для сокращения его все называют «Утти». Так будем и мы говорить о нем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁶⁷ 2290 м.

¹⁶⁸ Kotagiri.

¹⁶⁹ Так называют англичан в Раджистане, где они официально именуют такуров и раджей «баронами» – *the feudal barons of Rajistan**, а сами при каждом удобном случае напоминают им, что они только их *вассалы*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* феодальными баронами Раджастхана (*англ. Rajasthan*).

¹⁷⁰ Равана – правнук Брахмы, внук великого Пуластыи, сын Вишравов, повелитель ракшасов и мифический владыка острова Ланка, персонаж эпоса «Рамаяна», антагонист главного героя – Рамы.

¹⁷¹ *The Neilgherry Toddas*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

филологов, этнологов, антропологов и всяких других «логов», не увенчались ни малейшим успехом. Напротив, чем более о них старались разузнавать, тем менее получаемые сведения оказывались подходящими к прямому вопросу. Все приобретенное сводилось под один и тот же итог: тодды не принадлежат к обыкновенному человечеству. Они рождаются и умирают только *для вида*; их миссия на земле – охранять их верных слуг баддагов от козней муллу-курумбов и т.д.

Понятно, что такие данные не могли находить себе места в «истории народов Индии». За недостатком более верных сведений гг. ученые утешились гипотезами собственного изобретения. Вот некоторые из них.

Первым теоретиком является натуралист Лешено де ла Тур (Leschenault de la Tour)¹⁷², ботаник короля французского¹⁷³. Его письма по этому вопросу чрезвычайно интересны своею оригинальностью¹⁷⁴. Почтенный ученый вследствие каких-то ему одному свойственных соображений признал тоддов за выкинутых кораблекрушением на Малабарский берег не то бретонских, не то нормандских крестоносцев. В горах кавказских нашлись же крестоносцы, признанные в хевсурах и тушинах: так почему же им не быть и в горах малабарских? В первое время эта мысль улыбнулась многим.

К сожалению, выяснилось очень скоро одно обстоятельство, которое уничтожило разом такое поэтическое предположение: у тоддов нет не только на их языке, но нет даже и в мыслях таких слов, как *Бог, крест, молитва, религия, грех*, или какого-либо подобного выражения, напоминающего даже просто монотеизм и деизм, не говоря уже о христианстве. Тоддов нельзя назвать даже язычниками, потому что они не поклоняются никому и ничему, кроме собственных буйволов, именно только *собственных*, так как буйволы чужие, других племен, не пользуются никаким от них почетом. Одно молоко с прибавлением ягод и плодов из *их* лесов составляют их единственную пищу. Но они скорее умрут с голоду, нежели дотронутся до молока, сыра или масла от *других* буйволиц, кроме их собственных *священных* кормилиц. Они никогда не едят мяса, как не сеют и не жнут, считая всякую работу, кроме доения буйволиц и ухода за стадами, чем-то вроде бесчестия.

Один такой образ жизни достаточно показывает, что между крестоносцами Средних веков и тоддами очень мало общего. К тому же, как не раз сказано, они не умеют владеть оружием и никогда не проливают крови, чувствуя к ней нечто вроде священного ужаса. Кавказские горцы на северо-востоке от Тифлиса, как пшавы и хевсуры, так и тушины, сохранили у себя много средневекового оружия и утвари, у них немало и христианских обычаев¹⁷⁵. А у тоддов не найдется не только средневекового, но и простого современного ножа. Все это, в связи с главным вышеупомянутым фактом, что у тоддов нет ни малейшего представления о божестве, делает теорию Лешено де ла Тура уж совсем неподходящею...

Затем пошла в ход хотя и давно избитая, но излюбленная и многоспасительная в таких случаях теория о кельто-скифах. Но и эта, по своему обыкновению, скоро провалилась. Когда тодд умирает, его сжигают с разными любопытными обрядами вместе с любимым буйволом, а в том случае, когда покойник был «священнодействующим», приносится в жертву от семи до семнадцати голов этих животных. Но буйволы все-таки не лошади, а тип лица тоддов – совершенно европейский, сильно напоминающий уроженца Южной Италии или Франции – довольно трудно согласовать с типом скифа, насколько мы о нем знаем. Лешено де ла Тур сильно боролся с препятствиями, но как только его осмеяли, он тотчас же бросил свою теорию. Гипотеза же о скифах, невзирая на всю нелепость предположения, держится и до сей поры.

¹⁷² Жан Батист Лешено де ла Тур (1773–1826) – французский ботаник и орнитолог.

¹⁷³ См., например: Relation abrégée d'une voyage aux Indes Orientales, par M. Leschenault de la Tour (lue à l'Académie des Sciences, le 9 septembre 1822) // Mémoires du Muséum d'histoire naturelle. Т. IX. Paris, 1822. P. 257–263 (Сокращенный отчет о поездке в Ост-Индию месяце Лешено де ла Тура (прочитано в Академии наук 9 сентября 1822 года) // Научные труды Музея естественной истории. Т. IX. Париж, 1822. С. 257–263).

¹⁷⁴ Часть этих писем печаталась от 17 июня 1820 года до 15 декабря 1821 в *Мадрасской газете*. – Примечание Е.П.Блаватской.

¹⁷⁵ К тому же эти горцы доказывают свое немецкое происхождение уже тем, что варят пиво и делают колбасы. Да и милиция, поставленная ими во время войны*, была одета в панцири и кольчуги, в шишаки с забралами и явилась даже с *крестами* на правом плече. – Примечание Е.П.Блаватской.

* Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Потом явилась на сцену вечно побиваемая и вновь оживающая теория о десяти «потерянных племенах Израиля». Миссионер-немец Метц с помощью некоторых своих собратий из англичан, одаренных одинаковым с ним пламенным воображением, принялись разрабатывать эту теорию с восторгом. Но в опровержение этой фантазии достаточно повторить уже неоднократно сказанное выше, что у тоддов никогда не было и тени *никакого* бога, тем менее бога Израиля.

Тридцать три года жил с тоддами и бился с ними бедный благочестивый немец. Он жил их каждодневной жизнью, перекочевывая с ними с места на место¹⁷⁶, мылся раз в год, питался одною молочною пищей, наконец, растолстел и получил водянку. Он привязался к ним всеми силами своей любящей, честной души, и хотя не окрестил ни одного тодда, но хвалился, что научился превосходно их языку и познакомил три поколения тоддов с религией Христа. Но когда навели справки, то оказалось не совсем так.

Во-первых, узнали, что Метц не знал ни полслова из их языка. Тодды выучили его канарезскому диалекту, на котором они сами говорят с баддагами и женщинами своего племени. Но из того таинственного языка, на коем рассуждают их старшины, когда держат совет, и который употребляется ими во время их неведомых обрядов в *тирьери*¹⁷⁷, Метц не понимал ни одного звука. Этого языка не понимают женщины тоддов, или им, может быть, запрещено говорить на нем. Что же касается христианского просвещения тоддов, то привезенный в Утти больным и почти умирающим бедный Метц признался очень откровенно, что в эти тридцать три года общего с ними сожительства ему не удалось окрестить ни одного тодда, ни взрослого, ни ребенка. Впрочем, он все-таки надеялся, что «посеял в них семена будущего образования».

Но и в этом ему предстояло разочарование. Прибывшие на холмы с западного малабарского берега отцы-иезуиты, питавшие в свою очередь надежду признать в тоддах колонию древних сирийских христиан или, по крайней мере, манихеев¹⁷⁸, очень долго навели справки. С обычною им хитростью и ловкостью они успели войти в сношения с тоддами. Они вкрались, если не в доверие, то в хорошее знакомство с этими обыкновенно молчаливыми, серьезными дикарями и успели узнать от них, к великой своей радости, – потому что они ненавидят протестантов еще более, нежели язычников, – что Метц мог бы прожить с ними целые века в теснейшей дружбе и все-таки не произвести на них ни малейшего впечатления.

«Слова белого человека то же, что говор *майны* (род говорящей птицы) или трещание языка обезьяны», – говорили старые тодды иезуитам, не замечавшим в припадке коварной радости обоюдоострого комплимента. «Мы слушаем и смеемся. На что нам ваши *дивы*, когда у нас есть наши великие буйволы?» – добавляли они, рассказывая, как Метц предлагал им взамен веры в буйволов – веру в религию тех, которые отымали у них их пастбища и обижали их ежедневно¹⁷⁹.

Несмотря на одинаковую с Метцем участь, последователи Лойолы¹⁸⁰ подняли честного немца на смех, распуская про него анекдоты по всей Южной Индии. Мы знаем и даже можем указать таких иезуитов, которые скорее, нежели допустить туземца перейти в протестантство, укрепляют его всеми силами в его вере, в чертопоклонстве.

---

¹⁷⁶ Хотя тодды народ не кочевой и живут в домах, однако, выбирая для своих буйволов лучшие пастбища, они часто переходят из одного поселка в другой. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁷⁷ Священное и весьма строго охраняемое ими жилище, иногда подземное, за буйвольим хлебом, *тирьери* есть храм, посвященный совершенно неизвестному никому, кроме тоддов, культу. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁷⁸ Одно время отцы-иезуиты пытались доказать, что тодды, как древние манихеев*, поклоняются «свету», солнечному, лунному и даже огню простой лампы. Но это, во-первых, вовсе не доказывает их манихейства, а во-вторых, и неправда. Тодды смеялись над этою идеей в разговоре с мистрисс Морган и мною. У них, напротив, отвращение к свету луны. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

*Манихеи (лат.). Секта третьего столетия, которая верила в два вечных принципа добра и зла, первый одарил человечество душами, а последний – телами. Эта секта была основана неким полухристианским мистиком Мани, который выдавал себя за ожидаемого «Утешителя», мессию и Христа. Много столетий спустя, когда эта секта уже не существовала, возникло братство, называвшее себя «манихеями», масонского типа с несколькими степенями посвящения. Их идеи были каббалистическими, но были неправильно поняты» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 247–248.*)

¹⁷⁹ *Oeuvres et travaux des missionnaires Pères Jésuites sur les côtes du Malabar** (стр. 233). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

*«Дела и труды иезуитских миссионеров на Малабарском берегу» (*фр.*).

¹⁸⁰ Игнатий де Лойола (1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

Это было лет десять тому назад. С тех пор миссионеры обеих религий оставили тоддов в покое. Теперь уже давно решено, что всякая попытка к их обращению оказалась бы только потерей времени. Невзирая на такое полное отсутствие в этом племени всякого религиозного чувства, по единодушному показанию писателей и всех жителей Утти, нет во всей Индии народа честнее, нравственнее, добрее тоддов. Эта горсть патриархальных дикарей без роду и племени, без истории, как и без малейшего (по крайней мере, *видимого*) признака веры во что-либо священное кроме грязных буйволов, пленяет каждого своею совершенно детскою невинностью. Вместе с тем, тодды не только далеко не глупый народ, что доказывает их удивительная способность говорить на многих языках и умение скрывать свой собственный, но и весьма понятливы. Сёлливан упоминает в своих *Записках*, что он разговаривал с ними по целым часам и что ему оставалось только разводиться руками в глубоком удивлении, слыша, как они отзывались об англичанах, «как верно и разом они поняли наш национальный характер и подметили все наши недостатки».

Познакомив читателя с тоддами в общих чертах, рассказав о них все или почти все, что известно о них в Индии, я могу приступить к рассказу о своих собственных приключениях и наблюдениях среди этого так мало известного и загадочного племени.